

Дети свободы

Автор:

Марк Леви

Дети свободы

Марк Леви

Литературная карьера Марка Леви, одного из самых популярных французских писателей, развивалась стремительно. Первая же его книга «Между небом и землей» (2000 г.) прогремела на весь мир и вскоре была экранизирована (продюсер Стивен Спилберг). Следующие шесть – неизменно бестселлеры, и не только во Франции – переведены более чем на тридцать языков.

Роман «Дети свободы», изданный тиражом 400 000 экземпляров, написан на основе подлинных воспоминаний отца и дяди автора, мальчишками участвовавших в подпольной борьбе с оккупантами во время Второй мировой войны. Дети свободы – это подростки разных национальностей: испанцы, венгры, поляки, чехи, евреи, чьи семьи бежали по разным причинам во Францию, ставшую для них второй родиной. Мечтая о любви и жизни в свободном мире, они создают в Тулузе интернациональную бригаду, которая влилась в движение Сопротивления как самостоятельный отряд. Хроника этой яростной «уличной войны» написана от лица главного героя романа, Жанно, одного из немногих оставшихся в живых бойцов бригады.

Марк Леви

Дети свободы

Marc Levy

Les enfants de la liberte

www.marcl Levy.info

© 2007 Editions Robert Laffont/Susanna Lea Associates

© Волевич И., перевод на русский язык, 2008

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2015

Издательство Иностранка

Марк Леви – популярный французский писатель, его книги переведены более чем на 40 языков и расходятся огромными тиражами. Первый же его роман «Между небом и землей» поразил необычайным сюжетом и силой чувств, способных творить чудеса. И не случайно права на экранизацию сразу приобрел мэтр американского кинематографа – Стивен Спилберг, а поставил фильм один из модных режиссеров Голливуда – Марк Уотерс.

Мне очень нравится этот глагол – «сопротивляться». Сопротивляться тому, что нас душит, сопротивляться предрассудкам, поспешным выводам, стремлению судить других, всему плохому, что сидит в нас и только и ждет случая вырваться наружу; сопротивляться желанию бросить всё и всех, жажде сочувствия окружающих, потребности говорить о себе, забывая о других, модным веяниям, нездоровым амбициям и царящему вокруг хаосу. Сопротивляться... и улыбаться.

Эмма Данкур

Моему отцу,

его брату Клоду,

всем детям свободы.

Моему сыну

и тебе, любовь моя.

Я люблю тебя завтра, сегодня я еще с тобой не знаком. Для начала я спустился по лестнице старого дома, в котором живу, спустился, признаюсь тебе, поспешней обычного. Внизу, в подъезде, моя рука, скользившая по перилам, уже пахла пчелиным воском, которым консьержка усердно натирает их вплоть до площадки второго этажа – это по понедельникам, а по четвергам – дальше, до самого верха. Несмотря на свет, золотивший фасады, тротуар был еще в мокрых разводах предутреннего дождя. Подумать только: в тот день, беззаботно сбегая по ступеням, я еще ничего, ровно ничего не знал о тебе – тебе, которая однажды подарит мне самое прекрасное из того, что жизнь дарит людям.

Я вошел в маленькое кафе на улице Сен-Поль, времени у меня было полным-полно. В баре нас оказалось трое; в то весеннее утро мало кому выпал такой досуг. Немного погодя, заложив руки за спину, вошел мой отец в габардиновом плаще; он облокотился на стойку, делая вид, будто не замечает меня, – ему была свойственна какая-то особенная деликатность. Он заказал крепкий черный кофе, и я увидел на его лице улыбку, которую он пытался скрыть от меня, хотя это не очень-то ему удавалось. Наконец он побарабанил пальцами по стойке, давая мне понять этим условным знаком, что в зале «чисто» и я могу подойти. Коснувшись одежды отца, я ощутил его силу и тяжкую, гнетущую печаль. Он спросил, по-прежнему ли я «уверен в своем решении». Я ни в чем не был уверен, но все равно кивнул. Тогда он незаметно для всех отодвинул свою чашку. Под блюдцем лежала пятидесятифранковая купюра. Я отказался, но он сердито сжал

зубы и проворчал, что не годится воевать на голодный желудок. Я взял деньги и по его взгляду понял, что мне пора уходить. Поправив каскетку, я открыл дверь кафе и зашагал по улице.

Минуя витрину кафе, я взглянул на отца, стоявшего в глубине бара, взглянул искоса, украдкой; он в последний раз улыбнулся мне и жестом показал, что у меня расстегнут воротник.

В отцовском взгляде светилась какая-то странная решимость, и на ее разгадку мне понадобятся долгие годы, но даже сегодня, стоит мне закрыть глаза и подумать об отце, его лицо возникает передо мной именно таким, каким я запомнил его в ту, последнюю минуту. Я знаю, как ему было горько расставаться, и, думаю, он предчувствовал, что мы больше никогда не увидимся. Но он боялся не своей смерти, а моей.

Я часто вспоминаю нашу встречу в кафе на улице Сен-Поль. Наверное, человеку требуется немало мужества для того, чтобы похоронить сына, пока тот стоит рядом и пьет кофе с цикорием, чтобы смолчать и не сказать ему: «А ну-ка, марш домой и садись за уроки!»

За год до этого моя мать пошла в комиссариат за желтыми звездами. Для нас это стало сигналом к бегству, мы уехали в Тулузу. Отец был портным, но, конечно, он не собирался носить эту мерзость.

А в тот день, 21 марта 1943 года, я сажусь в трамвай и вот уже еду на станцию, которая не указана ни на одном плане города: еду искать подполье.

Десять минут назад меня еще звали Реймон, но с той минуты, как я сошел на конечной остановке 12-го маршрута, мое имя – Жанно. Просто Жанно, никакой фамилии. В этот пока мирный утренний час многие близкие мне люди даже не подозревают, что их ждет. Папе с мамой неизвестно, что скоро им вытатуируют номер на руке выше локтя; мама не знает, что на вокзальном перроне ее разлучат с человеком, которого, мне кажется, она любит даже больше, чем нас.

Да и сам я тоже не знаю, что через десять лет увижу в груди очков – груди пятиметровой высоты в музее Освенцима, – те самые очки, которые мой отец сунул в верхний карман пиджака при нашей последней встрече в кафе на улице Сен-Поль. И мой младший брат Клод не знает, что скоро я приду за ним и что, если бы он не сказал «да», если бы нам не довелось пережить эти годы вдвоем, нас давно бы уже не было на свете. Семеро моих товарищей – Жак, Борис, Розина, Эрнест, Франсуа, Марьюс и Энцо – не знают, что им суждено умереть с криком «Да здравствует Франция!», прозвучавшим почти из всех уст с иностранным акцентом.

Слова путаются у меня в голове, мешая думать связно; одно могу сказать наверняка: начиная с того понедельника, с того полудня, и в течение двух лет мое сердце будет биться в ритме, который задал ему страх; целых два года я жил в страхе и до сих пор просыпаюсь по ночам от этого мерзкого ощущения. Но рядом со мной спишь ты, любовь моя, пусть я пока еще об этом и не знаю. Итак, вот маленький кусочек истории Шарля, Клода, Алонсо, Катрин, Софи, Розины, Марка, Эмиля и Робера – моих друзей: испанцев, итальянцев, поляков, венгров, румын – детей свободы.

Часть первая

1

Нужно, чтобы ты поняла исторический контекст, в котором мы тогда жили: контекст вообще очень важен, например для отдельной фразы. Вырванная из контекста, она часто меняет смысл; сколько же фраз будут вырваны из своего контекста в ближайшие годы, и все для того, чтобы мы могли судить пристрастно и легче выносить приговор. Это привычка, которая с годами не исчезает.

В первые дни сентября гитлеровские войска захватили Польшу, Франция вступила в войну, и никто из нас не сомневался, что скоро наша армия отбросит неприятеля к границам страны. Бельгия была раздавлена сокрушительной

мощью немецких танковых дивизий, и всего за несколько недель сто тысяч наших солдат погибли на полях сражений – на севере и Сомме.

Во главе правительства встал маршал Петен; спустя два дня один генерал[1 - Имеется в виду генерал Шарль де Голль (1890–1970). (Здесь и далее прим. перев.)], не пожелавший смириться с разгромом, обратился из Лондона к французам с призывом к сопротивлению. Петен избрал другой путь: он подписал пакт о капитуляции, сгубивший все наши надежды. Как же быстро мы проиграли эту войну!

Выказав лояльность нацистской Германии, маршал Петен поверг Францию в один из самых мрачных периодов ее истории. Республика пала, уступив место тому, что отныне стало называться французским государством. Карту рассекла горизонтальная линия, поделившая страну на две зоны – оккупированную на севере и так называемую свободную на юге. Однако свобода эта оказалась весьма относительной. Каждый день появлялся очередной набор декретов, обрекавших на бесправное существование два миллиона иностранных граждан, мужчин, женщин и детей, живших во Франции; отныне им запрещалось работать по специальности, учиться в школах, свободно передвигаться, а вскоре, очень скоро, просто-напросто жить.

Эти иностранцы когда-то приехали сюда из Польши, Румынии, Венгрии, бежали из Испании и Италии – в те времена наша страна, потом вдруг утратившая память, крайне нуждалась в них. Нужно было как-то восполнять население Франции, потерявшей четверть века тому назад полтора миллиона мужчин, которые погибли в окопах Первой мировой войны. Почти все мои товарищи были иностранцами, и каждый подвергался на родине репрессиям, многолетним преследованиям. Немецкие демократы на себе испытали, что представляет собой Гитлер, участники гражданской войны в Испании пережили диктатуру Франко, а беженцы из Италии – фашистский режим Муссолини. Они стали первыми свидетелями всевозможных проявлений ненависти и нетерпимости, этой поразившей Европу пандемии с ее жуткой чередой мертвецов и неисчислимыми бедствиями. Все понимали, что капитуляция – только пролог, худшее еще впереди. Но кто стал бы слушать провозвестников беды? Франция больше не нуждалась в них. И беженцы с востока и с юга были арестованы и отправлены в лагеря.

Маршал Петен не просто отказался от борьбы, он намеревался сотрудничать с новыми диктаторами Европы, и в нашей стране, впавшей в оцепенение под

руководством этого старца, уже вовсю засуетились премьер и другие министры, префекты, судьи, жандармы, полицейские, фашиствующие милиционеры, стараясь перещеголять друг друга в своих гнусных преступлениях.

2

Все началось с почти детской игры три года назад, 10 ноября 1940-го. Хмурый маршал Франции в сопровождении нескольких префектов в мундирах, украшенных серебряными лавровыми листьями, начал с Тулузы объезд свободной зоны страны, ставшей по его милости жертвой оккупантов.

Странное, парадоксальное зрелище: толпы растерянных людей, зачарованно взирающих на воздетый жезл маршала, этот скипетр бывшего вождя, вернувшегося к власти, носителя нового порядка. Только новый порядок Петена принес нам одни несчастья: раскол общества, доноительство, ссылки, убийства и варварскую жестокость.

Некоторые из тех, кто скоро вступит в нашу бригаду, уже знали, что представляют собой концлагеря, куда французское правительство сгоняло людей, имевших несчастье быть иностранцами, евреями или коммунистами. Жизнь в таких лагерях на юго-западе страны – в Гюре, Аржелесе, Ноэ, Ривсальте – была сплошным кошмаром. И потому все, у кого находились там арестованные друзья или родственники, воспринимали приезд маршала как посягательство на ту последнюю крошечную частицу свободы, которая у нас еще оставалась.

Однако население готовилось бурно приветствовать маршала, и мы должны были ударить в набат, избавить людей от страха, опасного страха, который, завладевая массами, понуждает людей опускать руки, смиряться, молчать, оправдывая свою трусость только тем, что сосед поступает так же; а если сосед поступает так же, стало быть, нужно следовать его примеру.

Для Косса, одного из самых близких друзей моего младшего брата, как и для Бертрана, Клуэ и Делакура, вопрос стоит иначе, – они не намерены опускать руки и помалкивать; мрачный парад, который готовится на улицах Тулузы, они

решили превратить в громкую демонстрацию протеста.

Сегодня наша главная задача – добиться, чтобы слова правды, слова о мужестве и достоинстве разбудили собравшихся. Текст составлен неумело, но при этом ясно выражает все, что должно быть выражено, и потом, так ли уж важно, о чем говорится или не говорится в этом тексте! Остается придумать, каким способом распространить наши листовки с максимальным эффектом, но при этом не угодить сразу же в лапы стражей порядка.

И наши ребята здорово все устроили. За несколько часов до начала шествия они пересекают площадь Эскироль со свертками в руках. Полиция бдительно следит за прохожими, но кого волнует стайка вполне безобидных подростков?! И вот уже они у цели – возле жилого дома на углу улицы Мец. Тут же все четверо бегом взбираются по лестнице до самой крыши, надеясь, что там не посадили снайпера. Слава богу, на крыше пусто, у их ног простирается город.

Косса собирает устройство, изобретенное им и его друзьями. У самого карниза на низкие козлы кладется доска, она может качаться вверх-вниз. На одном конце доски лежит кипа напечатанных на машинке листовок, на другом стоит полный бидон воды. В дне бидона просверлена дырочка, и пока вода тоненькой струйкой сочится из нее в водосточную трубу, парни выбегают на улицу.

Автомобиль с маршалом приближается, Косса поднимает голову и с улыбкой глядит на карниз дома. Лимузин с откинутым верхом медленно ползет по улице. Бидон на крыше почти опорожнился и стал совсем легким, другой конец доски перевешивает, и листовки разлетаются по воздуху. Этот день, 10 ноября 1940 года, станет первым днем осени маршала-предателя. Взгляни в небо: там порхают листки, и несколько таких листков, к великой радости гаврошей, в которых нежданно проснулось мужество, опускаются на кепи маршала Петена. Люди в толпе, нагнувшись, подбирают листовки. Начинается переполох, полиция бестолково мечется во все стороны, и те, кто слышал, как подростки вместе со всеми восторженно приветствуют кортеж, даже не подозревают, что этими криками они знаменуют свою первую победу.

Потом ребята расходятся, каждый к себе. Вернувшись этим вечером домой, Косса даже представить себе не может, что три дня спустя он будет арестован по доносу и проведет два года в камерах центральной тюрьмы Нима. Делакур не

знает, что через несколько месяцев будет убит французскими полицейскими в ажанской церкви, где укроется от преследования, а Клуэ неизвестно, что в будущем году его расстреляют в Лионе; что же до Бертрана, никто не отыщет место в поле, где он упокоился навсегда. Косса освободится из тюрьмы с изъеденными туберкулезом легкими и уйдет в партизаны. Его снова арестуют и на этот раз депортируют в Германию. Ему будет всего двадцать два года, когда он умрет в Бухенвальде.

Как видишь, для наших друзей все началось как игра, и играли в нее дети, которые так и не успели стать взрослыми.

И еще я должен рассказать тебе про Марселя Лангера, Яна Герхарда, Жака Энсея, Шарля Мишалака, Хосе Линареса Диаса, Стефана Барсони, про всех тех, кто присоединится к ним в последующие месяцы. Это они – первые дети свободы, это они создали 35-ю бригаду. Зачем? Да чтобы сопротивляться! И важнее всего их история, а не моя; прости, если временами память будет мне изменять, если я в чем-нибудь ошибусь или перепутаю чье-то имя.

«Разве имена так уж важны? – сказал однажды мой друг Урман. – Нас было мало, и по сути дела мы были единым существом. Мы жили в страхе, мы постоянно скрывались, мы никогда не знали, что принесет нам завтрашнее утро, – вот почему так трудно сегодня в точности припомнить хотя бы один из тех, прошедших, дней».

3

Поверь мне на слово, война никогда не походила на фильм, ни один из моих товарищей не выглядел как Роберт Митчем[2 - Роберт Митчем (1917–1997) – американский киноактер.], и если бы у Одетты были такие ноги, как у Лорен Бакалл[3 - Лорен Бакалл (р. 1924 г., наст. имя Бетти Джоан Пирски) – американская киноактриса.], я бы уж наверно рискнул поцеловать ее, вместо того чтобы мяться, как последний дурак, стоя у кинотеатра. Тем более что на другой день двое нацистов застрелили ее на углу улицы Акаций. С тех пор я не люблю акацию.

Я знаю, в это сложно поверить, но самое трудное было найти людей из Сопrotивления.

С тех пор как сгнули Косса и его товарищи, мы с моим младшим братом совсем захандрили. Жизнь в лицее, с антисемитскими рассуждениями историка, он же географ, и саркастическими выпадами учеников филологического класса, с которыми мы дрались, была не очень-то веселой. Я проводил вечера возле радиоприемника, в ожидании вестей из Лондона. В начале учебного года мы нашли у себя на партах листочки с заголовком «Комба»[4 - «Комба» («Борьба»; фр.) – подпольная газета одной из организаций французского Сопrotивления, действующих на юге страны с 1943 г.]. Я заметил парня, который выскочил из нашего класса, это был беженец из Эльзаса по фамилии Бергольц. Со всех ног я помчался за ним и, нагнав во дворе, сказал, что тоже хочу заниматься этим – распространять листовки для Сопrotивления. Он только посмеялся надо мной, но все-таки мне удалось стать его помощником. И в последующие дни после занятий я поджидал его на улице. Едва он выходил из-за угла, я направлялся в другую сторону, и он ускорял шаг, чтобы догнать меня. Вместе мы совали в почтовые ящики голлистские газеты, а иногда бросали их на открытые трамвайные площадки, перед тем как спрыгнуть на ходу и удрать.

Однажды вечером Бергольц не появился у лицея после уроков, и больше я его не видел...

С того времени мы с моим братишкой Клодом садились после занятий в пригородный поезд, идущий на Муассак. Мы тайком ездили в Замок. Это было большое здание, где прятались дети депортированных родителей; девушки-скауты собирали там этих ребят и заботились о них. Мы с Клодом приезжали, чтобы вскопать им огород, а самым маленьким иногда давали уроки арифметики и французского. Каждый раз, приезжая в Замок, я умолял Жозетт, директрису этого заведения, дать мне хоть какую-то зацепку, чтобы вступить в ряды Сопrotивления, и каждый раз она смотрела на меня невинными глазами, делая вид, что даже не понимает, о чем идет речь.

Но вот однажды она завела меня к себе в кабинет.

– Кажется, я могу тебе кое-чем помочь. Подходи к дому номер двадцать пять по улице Байяр в два часа дня. Один человек спросит у тебя, который час. Ты ответишь, что у тебя часы не ходят. Если он скажет: «Вы случайно не Жанно?» – значит, это тот, кто тебе нужен.

Вот так это и случилось...

Я взял с собой братишку, и мы отправились к дому № 25 по улице Байяр, в Тулузе.

Он появился в сером пальто и фетровой шляпе, с трубкой в уголке рта. Бросил газету в мусорную корзинку, прикрепленную к уличному фонарю; я никак не отреагировал, потому что это было бы нарушением приказа. Мне велели ждать, когда он спросит время. Он подошел ближе, остановился и смерил нас взглядом; когда я ему ответил, что мои часы не ходят, он назвался Жаком и спросил, кто из нас двоих Жанно. Я поспешно шагнул вперед, ведь Жанно – это был я.

Жак лично набирал людей для подпольной работы. Он никому не доверял и имел для этого веские основания. Я знаю, не очень-то хорошо так говорить, но нужно понимать тогдашнюю обстановку.

В тот момент мне еще не было известно, что через несколько дней один из партизан, Марсель Лангер, будет приговорен к смерти стараниями французского прокурора, который потребовал для него смертной казни и добился своего. Все, кто жил во Франции, в свободной или в оккупированной зоне, были твердо уверены, что, после того как кто-нибудь из наших прикончит этого прокурора возле его дома, скажем, в воскресенье, когда он пойдет на мессу, ни один суд больше не посмеет требовать смертной казни для арестованного партизана.

Не знал я и того, что именно мне прикажут убить одного мерзавца, высокопоставленного милицейского чина, доносчика и убийцу многих молодых участников Сопrotивления. Этот гад так никогда и не узнал, что у него был шанс сохранить себе жизнь. Я до того боялся выстрелить в живого человека, что чуть не намочил штаны, чуть не бросил оружие, и если бы эта сволочь не взмолилась «Пощадите!» – а ведь сам-то он никого не щадил, – во мне не вскипел бы праведный гнев, заставивший всадить ему в живот пяток пуль.

Да, мы убивали. Долгие годы я повторял одно и то же: невозможно забыть лицо человека, в которого ты стреляешь. Но мы не убили ни одного невинного, не трогали даже тех, кто творил зло по глупости. Я знаю, и мои дети тоже будут знать, что это и есть самое главное.

Ну а пока Жак рассматривает меня, изучает со всех сторон, чуть ли не обнюхивает по-звериному, доверяя только своему инстинкту, потом глядит мне прямо в лицо, и то, что он скажет через две минуты, перевернет всю мою жизнь:

- Чего ты конкретно хочешь?

- Попасть в Лондон.

- Тогда я ничем не могу тебе помочь. Лондон далеко, и там у меня нет никаких контактов.

Я ожидал, что он сейчас повернется и уйдет, но Жак не уходил. Он смотрит на меня в упор, и я делаю вторую попытку:

- А вы можете связать меня с макизарами?[5 - Макизары – так называли французских партизан, ведущих боевые действия против немецких оккупантов в южных районах страны (от слова maquis, означающего густые заросли, а во время Второй мировой войны и партизанское движение).] Я хотел бы сражаться вместе с ними.

- Это тоже невозможно, – отвечает Жак, раскуривая трубку.

- Почему?

- Потому что ты, судя по твоим словам, хочешь сражаться. А в маки не сражаются, самое большее, что можно делать, это передавать посылки или информацию, и сопротивление пока еще очень пассивно. Если хочешь сражаться, иди к нам.

- К кому это – к вам?

– Ты готов к уличным боям?

– Все, что я хочу, это убить нациста, перед тем как умереть. Мне нужен револьвер.

Я выпалил это с таким гордым видом, что Жак расхохотался. А я никак не мог понять, что тут такого смешного, мне-то ситуация казалась скорее трагической! Но именно это и развеселило Жака.

– Ты начитался книжек; теперь придется научить тебя пользоваться мозгами для дела.

Его покровительственный тон слегка уязвил меня, но сейчас не время было демонстрировать свои обиды. Вот уже несколько месяцев я пытался нащупать контакты с Сопротивлением и боялся все испортить.

Я подыскиваю нужные слова, но они не приходят на ум, пытаюсь найти довод, который убедил бы его, что я не кто-нибудь, что на меня вполне можно положиться. Жак угадывает мои мысли, улыбается, и в его взгляде я вдруг замечаю что-то похожее на искорку нежности.

– Мы сражаемся не для того, чтобы умирать, а для того, чтобы жить, ясно?

Он вроде бы не сказал ничего особенного, но меня точно громом поразило. Это были первые слова надежды, услышанные мной с начала войны, с тех пор, как я стал лишенцем без всяких прав, статуса, документов в стране, которую еще вчера считал своей. Я остался без отца, без родных. Что же произошло? Вокруг меня все замерло в оцепенении, у меня украли жизнь просто потому, что я еврей, и одного этого множеству людей достаточно, чтобы желать мне смерти.

Братишка ждет у меня за спиной. Он угадывает, что происходит что-то важное, и покашливает, желая напомнить о своем присутствии. Жак кладет мне руку на плечо.

– Пошли отсюда, не стоит здесь торчать. Это одна из первых заповедей, которую ты должен усвоить: никогда не стоять на месте, именно так и обращаешь на

себя внимание. Парень, который ждет на улице, в наше время неизбежно вызывает подозрение.

И вот мы с ним шагаем по тротуару темной улочки, а Клод идет за нами по пятам.

– Возможно, у меня найдется для вас работенка. Сегодня вечером будете ночевать в доме номер пятнадцать по улице Рюисо, у мамыши Дюблан, она сдает комнаты. Скажете ей, что вы оба студенты. Она наверняка спросит тебя, что стряслось с Жеромом. Ответишь, что пришли на его место, а он вернулся на север, к своей семье.

Из его слов я вывел, что это пароль, который обеспечит нам крышу над головой, а может быть, кто знает, даже натопленную комнату. Решив серьезно войти в роль, я спросил, кто такой Жером, – нужно же быть в курсе на случай, если мамаша Дюблан захочет разузнать побольше о своих новых постояльцах. Но Жак тут же вернул меня к суровой действительности.

– Он погиб позавчера, через две улицы отсюда. И если на мой вопрос «Хочешь ли ты воевать как солдат?», ты твердо решил сказать «да», то знай, что это человек, которого тебе предстоит заменить. Сегодня вечером к тебе кое-кто наведается в гости. Он скажет, что пришел от Жака.

Я понял, что Жак не настоящее его имя, И еще мне стало ясно, что стоит примкнуть к Сопротивлению, как с прошлой жизнью будет покончено, а вместе с ней исчезает и ваше имя. Жак сунул мне в руку конверт.

– Пока будешь платить за жилье, мамаша Дюблан не станет задавать лишних вопросов. И еще: вам нужно сфотографироваться, сходите на вокзал, там делают моментальные снимки. Ну, а теперь сваливайте. Будет случай, еще увидимся.

И Жак ушел. На углу его длинный силуэт растаял в вечерне – и мороси.

– Ну, пошли? – сказал Клод.

Я повел брата в кафе; мы взяли только горячий кофе, чтобы согреться. Сидя у окна, я смотрел на трамвай, ползущий по широкой улице.

- Ты уверен? - спросил Клод, осторожно касаясь губами дымящейся чашки.

- А ты?

- Я уверен лишь в том, что умру, а больше ничего не знаю.

- Если мы вступим в Сопротивление, то для жизни, а не для смерти. Понятно?

- Откуда ты знаешь?

- Мне Жак только что сказал.

- Ну, если Жак сказал...

Мы долго молчали. В зал вошли два милиционера, они уселись за столик, не обращая на нас никакого внимания. Я испугался - вдруг Клод сделает какую-нибудь глупость, но он только пожал плечами. У него бурчало в животе.

- До чего ж есть хочется, - сказал он. - Сил больше нет ходить голодным.

Мне было стыдно смотреть в глаза семнадцатилетнему парню, который жил впроголодь, стыдно за собственное бессилие, но сегодня вечером мы, может быть, вступим наконец в Сопротивление, и тогда многое изменится, я был в этом уверен. К нам снова придет весна, как скажет однажды Жак, и в один прекрасный день я поведу своего младшего братишку в булочную и куплю ему кучу пирожных, всех, какие только есть на свете, пускай наедается досыта, до отвала, - и эта весна станет самой светлой весной в моей жизни.

Мы вышли из бистро и, забежав ненадолго на вокзал, отправились по адресу, указанному Жаком.

Мамаша Дюблан ни о чем не стала нас расспрашивать. Только сказала, что Жером, видать, не очень-то держится за свои пожитки, если взял да уехал в чем был. Я вручил ей деньги, и она дала мне ключ от комнаты на первом этаже; дверь выходила прямо на улицу.

– Это на одного человека! – предупредила она.

Я объяснил, что Клод – мой младший брат и что он приехал всего на несколько дней. Думаю, мамаша Дюблан не очень-то верила, что мы студенты, но, пока ей платили за квартиру, жизнь постояльцев ее не интересовала. Комната была незавидная: старый тюфяк на кровати, кувшин для воды и таз – вот и вся обстановка. Естественные надобности справлялись в дощатой уборной на задах сада.

Мы прождали до вечера. В сумерках к нам в комнату постучали. Это был не тот звук, от которого испуганно вздрагиваешь – когда, например, милиционеры являются вас арестовать и грубо колотят в дверь, – нет, всего два коротких тихих удара. Клод открыл. Вошел Эмиль, и я сразу почувствовал, что мы с ним подружимся.

Эмиль не вышел ростом, но он терпеть не может, когда его дразнят «мелким». Он начал работать в подполье год назад, и все в его поведении говорит о том, что он прочно освоился со своей ролью. Эмиль всегда спокоен, но улыбка у него странная, как будто его уже ничто на свете не трогает.

В десятилетнем возрасте он бежал из Польши, потому что там травили людей его национальности. Уже в пятнадцать лет, увидев, как гитлеровские войска маршируют по Парижу, Эмиль понял, что те, кто угрожал его жизни в родной стране, теперь явились сюда, чтобы довершить свое грязное дело. И тогда его мальчишеские глаза раскрылись, да так широко, что с тех пор никогда плотно не закрываются. Отсюда, может быть, и взялась эта странная улыбка. Нет, Эмиль не «мелкий», он просто коренастый.

И спасла его, нашего Эмиля, консьержка дома, где он жил. Нужно сказать, что в тогдашней невеселой Франции еще оставались порядочные квартирные хозяйки, которые смотрели на нас иначе, чем другие: они не могли смириться с тем, чтобы нормальных людей убивали лишь за то, что они исповедуют иную веру.

Для этих женщин дети, и свои и пришлые, – это святое.

Отец Эмиля получил письмо из префектуры с приказом явиться туда, купить желтые звезды и нашить их на пальто, на уровне груди, чтобы они были хорошо видны, – именно так говорилось в уведомлении. В то время их семья жила в Париже, на улице Святой Марфы, в X округе. Отец Эмиля пошел в комиссариат на авеню Вельфо; у него было четверо детей, и ему выдали четыре звезды для них и еще по одной – на него и на жену. Он оплатил эти звезды и вернулся домой, понунив голову, как скотина, которую заклеямили раскаленным железом. Эмиль стал носить звезду, а вскоре начались облавы. Тщетно он пытался бунтовать, тщетно уговаривал отца снять с себя эту мерзость, ничто не помогало. Отец Эмиля был законопослушным гражданином и к тому же доверял стране, которая его приняла: уж конечно, порядочным людям, говорил он, здесь ничто не грозит.

Эмиль подыскал себе жилье на чердаке одного дома, в каморке служанки. Однажды, когда он спускался по лестнице, к нему бросилась консьержка.

– Эмиль, беги скорей к себе наверх, полиция рыщет повсюду, они хватают всех евреев на улицах. Совсем, видать, очумели. Быстро беги и спрячься!

Она велела ему запереться у себя и никому не отвечать, пусть ждет, она принесет ему какой-нибудь еды. Несколько дней спустя Эмиль вышел из дома без желтой звезды. Он вернулся на улицу Святой Марфы, но в родительской квартире никого не нашел – ни отца, ни матери, ни двух младших сестренок, шести и пятнадцати лет, ни даже брата, которого он умолял жить с ним, не ходить в квартиру на улице Святой Марфы.

Больше у Эмиля никого не осталось; все его друзья тоже были арестованы; двоим из них, принявшим участие в демонстрации у заставы Сен-Мартен, удалось сбежать, выбравшись на улицу Ланкри, когда немецкие солдаты-мотоциклисты начали поливать шествие пулеметным огнем. Однако этих парней тоже схватили, поставили к стенке и расстреляли. Один из участников Сопротивления, известный под именем Фабьен, решил отомстить за них и на следующий день убил вражеского офицера в метро, на платформе станции Барбес, но двоих друзей Эмиля уже не воскресить.

У Эмиля больше не было никого, кроме Андре, последнего оставшегося в живых товарища; с ним он прежде учился на бухгалтерских курсах. И он решил сходить к этому парню – вдруг тот хоть чем-нибудь поможет. Ему открыла дверь мать Андре. И когда Эмиль рассказал, что его семья сгинула в облаве, что он остался совсем один, она достала свидетельство о рождении своего сына, отдала его Эмилю и посоветовала как можно скорее уехать из Парижа. «Делайте с этим что хотите, – сказала она, – может, вам даже удастся получить по нему удостоверение личности». Андре был чистокровным французом, и его документ с фамилией Берте ценился на вес золота.

Приехав на Аустерлицкий вокзал, Эмиль стал ждать на перроне, когда сформируют состав «Париж – Тулуза». Там, в Тулузе, у него жил дядя. Потом он вошел в вагон и забился под скамейку, стараясь не шевелиться. Сидевшие в купе пассажиры не догадывались, что у их ног затаился насмерть перепуганный мальчишка.

Состав тронулся, Эмиль неподвижно пролежал под скамьей несколько долгих часов. И только когда поезд пересек границу свободной зоны, Эмиль выбрался из своего убежища. Пассажиры разинули рты, увидев паренька, возникшего ниоткуда; он признался, что у него нет документов, и какой-то мужчина велел ему опять спрятаться: он не раз ездил по этому маршруту и знал, что жандармы обязательно пройдут с контролем еще раз. А потом он скажет Эмилю, когда можно будет выйти.

Как видишь, в той, невеселой, Франции были не только сердобольные консьержки и квартирные хозяйки – были еще и участливые матери, и добросердечные пассажиры; эти простые, никому не известные люди сопротивлялись каждый на свой лад, они не желали поступать «как сосед», они нарушали правила, потому что считали их бесчеловечными.

Так Эмиль, со своей историей, со своим прошлым, появился в комнате, которую мамаша Дюблан сдала мне несколько часов назад. И хотя я еще не знаю историю Эмиля, я по одному его взгляду чувствую, что мы прекрасно поладим.

– Значит, это ты новичок? – спрашивает он.

– Это мы, – поправляет мой братишка, которому надоело, что на него никто не обращает внимания.

– Фотографии у вас есть? – осведомляется Эмиль.

Он вынимает из кармана два бланка удостоверения личности, продуктовые талоны и печать. Покончив с «обработкой» документов, он встает, разворачивает стул и садится на него верхом, лицом к спинке.

– Теперь поговорим о твоём первом задании. Пардон, о вашем первом задании, раз уж вас двое.

У брата загораются глаза, и я не знаю, то ли это голодный блеск от постоянного мучительного недоедания, то ли жажда и предвкушение деятельности; как бы то ни было, я вижу только одно: у него горят глаза.

– Вам нужно будет украсть велосипеды, – говорит Эмиль.

Клод с гримасой отвращения поворачивается и идет к кровати.

– Воровать ве?лики? И это вы называете «работать в Сопротивлении»? Неужели я проделал весь этот путь, чтобы стать вором?

– А как ты, интересно, намерен совершать акции – на лимузине, что ли? Велосипед – лучший друг партизана. Поразмысли-ка хоть пару секунд, сделай милость. Человек на велосипеде никого не интересует: просто какой-то тип возвращается со своего завода, если дело к вечеру, или едет на работу, если это утро, вот и все. Велосипедист сливается с толпой, он юркий, он проникнет куда угодно. Проводишь операцию, вскакиваешь на велик, и пока люди кругом соображают, что стряслось, ты уже на другом конце города. Короче, если хочешь, чтобы тебе поручали важные дела, начни с этого – раздобудь себе велосипед!

Так нам преподали первый урок молодого бойца. Оставалось узнать, где их лучше красть, эти велосипеды. Эмиль предварил мой вопрос. Он уже кое-что

разведаль и указаль нам дом, где по ночам в коридоре стоят три велосипеда, которые хозяева никогда не запирают на замки. Действовать нужно немедленно; если все сойдет благополучно, мы должны будем встретиться с Эмилем в начале вечера у одного приятеля, – его адрес он заставил меня выучить наизусть. Приятель жил в нескольких километрах от Тулузы, в предместье Лубер, в здании заброшенного вокзальчика.

– И пошевеливайтесь, – настойчиво повторил Эмиль, – вам надо успеть туда до комендантского часа.

Была весна, до темноты оставалось еще несколько часов, и дом с велосипедами находился не так уж далеко от нас. Эмиль ушел, а мой братишка продолжал дуться.

Я постарался убедить Клода, что Эмиль, в сущности, прав, и потом, может, нас просто испытывают таким образом. Брат поворчал еще немного, но все же согласился пойти со мной.

Мы отлично справились с нашим первым заданием. Клод стоял на стреме снаружи: ведь за кражу велосипеда вполне могли припать пару лет тюрьмы. Коридор оказался пуст, а велосипеды – три штуки, как и обещал Эмиль, – стояли, тесно составленные вместе и без всяких замков.

Эмиль велел брать пару крайних велосипедов, однако меня соблазнил третий, прислоненный к стене, – это была гоночная модель с ярко-красной рамой и красивыми кожаными наконечниками на руле. Я отодвинул ближайший ко мне велосипед, и он с жутким грохотом рухнул на пол. Я уже представил себе, как связываю консержку и сую ей кляп в рот, но, на мое счастье, ее камера пустовала, и никто не помешал мне завершить свое черное дело. Велосипед, который мне приглянулся, не так уж легко было вытащить. Когда чего-то боишься, страх связывает руки. Педали двух машин сцепились намертво, и, как я ни тужился, мне не удавалось их разъединить. Наконец, после долгой возни, постаравшись унять сумасшедшее сердцебиение, я достиг своей цели. Мой братишка заглянул в парадное – видно, ему надоело торчать в одиночестве на тротуаре.

– Ну, ты скоро там, черт возьми?

– Чем ругаться, давай бери свой велосипед.

– А почему мне не красный?

– А потому, что он для тебя велик!

Клод продолжал брюзжать, но я ему напомнил, что мы выполняем задание и сейчас не время спорить. Пожав плечами, он сел на свой велосипед. Минут через пятнадцать мы уже всю крутили педали, мчась вдоль заброшенной железной дороги к бывшему вокзальчику Лубера.

Эмиль открыл нам дверь.

– Глянь-ка на эти велики, Эмиль!

Эмиль нахмурился, как будто вовсе не рад был нас видеть, но впустил в дом. Ян, высокий стройный парень, с улыбкой оглядел нас. В комнате был и Жак, он поздравил нас обоих, но, взглянув на ярко-красный велосипед, который я выбрал, расхохотался.

– Ладно, Шарль их перекрасит до неузнаваемости, – сказал он, заливаясь смехом.

Я не мог понять, что тут такого забавного, да и Эмиль, судя по его мрачному виду, тоже.

По лестнице спустился человек в майке, это и был обитатель вокзальчика; так я впервые встретился с «умельцем» бригады. Он разбирал и собирал велосипеды, изготавливал бомбы для подрыва поездов, учил товарищей выводить из строя кабины самолетов, которые собирали на местных заводах и перевозили на платформах, объяснял, как подрезать стяжки крыльев у бомбардировщиков, чтобы по прибытии в Германию гитлеровские машины не скоро поднялись в воздух. Я обязательно должен рассказать тебе о Шарле, нашем товарище, который потерял все передние зубы, воюя в Испании, побывал в стольких странах, что спутал все их языки и изобрел свой собственный, такой причудливый, что его никто толком не понимал. Я просто обязан рассказать тебе

о Шарле, потому что, если бы не он, мы никогда не совершили бы всего, что нам предстояло совершить в ближайшие месяцы.

А сегодня, в этой комнате старого заброшенного вокзала, нам всем кому семнадцать, кому двадцать лет, мы скоро будем воевать, и Жак, несмотря на его недавний взрыв смеха при виде моего красного велосипеда, выглядит встревоженным. Я очень скоро пойму причину его тревоги.

В дверь стучат, это пришла Катрин. Она очень красивая, Катрин, и, судя по взгляду, которым она обменивается с Яном, могу поклясться, что между ними что-то есть, хоть это и невозможно. Правило номер один: никаких любовных историй, когда работаешь в подполье, в Сопротивлении, – так объяснил нам Ян, инструктируя, как себя вести. Это слишком опасно: если тебя арестуют, есть риск, что ты заговоришь, чтобы спасти того или ту, кого любишь. «Закон бойца Сопротивления – не иметь привязанностей», – сказал Ян. Однако сам он привязан к каждому из нас, уж это-то я сразу почувствовал. Мой братишка ничего не слушает, он жадно поедает омлет Шарля; мне кажется, если я его не остановлю, он и вилку проглотит. Я вижу, как он косится на сковороду; Шарль тоже это заметил, он встает и с улыбкой подкладывает ему добавку. Что и говорить, омлет у Шарля – просто объедение, особенно для наших, так долго пустовавших желудков. Шарль разводит огород позади своего вокзала, а кроме того, держит трех кур и даже кроликов. Он у нас садовник, иными словами, это его прикрытие, и местные жители очень его любят, несмотря на кошмарный иностранный акцент. Он раздает им выращенный салат. И потом, огород вносит хоть какие-то краски в унылый пейзаж, за что окружающие тоже любят этого самодеятельного колориста, даже с его кошмарным иностранным акцентом.

Ян говорит спокойно и размеренно. Он ненамного старше меня, но уже производит впечатление зрелого мужчины, его невозмутимость вызывает уважение. Все, что он говорит, приводит нас в трепет, у него какая-то необычная аура. Рассказы Яна звучат пугающе, когда он описывает акции, совершенные Марселем Лангером и ведущими членами бригады. Вот уже год, как они действуют в районе Тулузы – Марсель, Ян, Шарль и Хосе Линарес. Двенадцать месяцев борьбы, в течение которых они забросали гранатами пирующих нацистских офицеров, подожгли баржу, битком набитую бочками с бензином, спалили гараж с немецкими грузовиками. На их счету столько подобных операций, что за один вечер и не перечислить; рассказы Яна звучат пугающе, и

тем не менее от него веет теплом, которого нам всем, осиротевшим детям, так сейчас не хватает.

Ян умолк: Катрин вернулась из города с новостями о Марселе, командире бригады. Он сидит в тюрьме Сен-Мишель.

Марселя арестовали из-за нелепой случайности. Он поехал на вокзал Сент-Ань, чтобы забрать чемодан, который везла одна из девушек бригады. В чемодане лежала взрывчатка – капсулы аблонита диаметром двадцать четыре миллиметра и брусочки динамита. Эти бруски, по шестьдесят граммов каждый, несколько испанских шахтеров, сочувствующих Сопроотивлению, стащили с карьеров Полиль, где они работали.

Операцию по передаче чемодана организовал Хосе Линарес. Он запретил Марселю ехать за посылкой на маленьком поезде, курсировавшем между пиренейскими городками; девушка и один его испанский приятель сами съездили в Люшон за чемоданом, который предстояло передать Марселю в Сент-Ань. Сент-Ань напоминал скорее полустанок, чем настоящую станцию. В этом деревенском захолустье, ничуть не похожем на город, на перроне людей было раз-два и обчелся; Марсель ждал у турникета между платформой и выходом в город. Двое жандармов совершали обход перрона, высматривая пассажиров, везущих съестные припасы для местного черного рынка. Когда девушка вышла из вагона, она встретилась взглядом с жандармом, решила, что он в чем-то ее заподозрил, попятилась и, конечно, привлекла к себе его внимание. Марсель понял, что сейчас ее будут обыскивать, решительно направился в ее сторону, сделал ей знак подойти к дверце, выхватил у нее из рук чемодан и шепотом приказал исчезнуть. Жандарм, пристально наблюдавший за этой сценой, бросился к Марселю. Когда он велел ему открыть чемодан, Марсель ответил, что у него нет ключа. Жандарм велел ему следовать за ним, и тогда Марсель сказал, что это посылка для людей из Сопроотивления и что они обязаны его пропустить.

Жандарм ему не поверил, и Марселя доставили в центральный комиссариат полиции. Рапорт, напечатанный на машинке, гласил, что на вокзале Сент-Ань был задержан террорист, имевший при себе шестьдесят брусков динамита.

Это было дело чрезвычайной важности. Им занялся некий комиссар по фамилии Косье, и в течение нескольких дней Марселя пытали, добиваясь признаний. Он

не назвал ни одного имени, ни одного адреса. Усердный комиссар Коссье отправился в Лион для консультации с вышестоящими чинами. Наконец-то французской полиции и гестапо достался показательный случай – иностранец с чемоданом динамита, да еще вдобавок еврей и коммунист – словом, образцовый террорист, наглядный пример, с помощью которого они надеялись подавить у населения всякое желание сопротивляться властям.

Когда обвинение было сформулировано, Марсель предстал перед чрезвычайной судебной комиссией Тулузы. Заместитель генерального прокурора Лепинас, человек крайне правых убеждений, ярый антикоммунист и сторонник вишистского режима, должен был стать идеальным обвинителем, на преданность которого правительство маршала вполне могло рассчитывать. При нем закон будет приведен в действие без всяких поблажек, без учета смягчающих обстоятельств, без ссылок на исторический контекст. Получив это назначение, Лепинас, лопаюсь от гордости, поклялся себе, что добьется у суда смертной казни для Марселя.

Тем временем девушка, избежавшая ареста, известила о случившемся бригаду. Товарищи сейчас же связались с Арналем, председателем коллегии адвокатов и одним из лучших судебных защитников. Он считал немцев врагами, и теперь ему представилась возможность заступиться за людей, которых преследовали без веских на то оснований. Бригада лишилась Марселя, но зато привлекла к его делу влиятельного, уважаемого в городе человека. Когда Катрин заговорила с Арналем о гонораре, тот отказался от всякой платы.

Каким же страшным останется то утро – утро 11 июня 1943 года – в памяти партизан! Каждый живет своей жизнью, но скоро судьбы многих людей сойдутся вместе. Марсель смотрит в окошко своей одиночки на занимающийся день, он знает, что сегодня его ждет суд. И что его приговорят к смерти, на этот счет он не питает никаких иллюзий. В своей квартире неподалеку от тюрьмы старый адвокат, который будет его защищать, готовится к процессу. В кабинет входит дом-работница, она спрашивает, не приготовить ли ему завтрак. Но в это утро, 11 июня 1943 года, мэтр Арналь не чувствует голода. Всю ночь ему слышался голос прокурора, требующего головы его подзащитного; всю ночь он ворочался без сна в постели, подбирая самые сильные, самые убедительные доводы, способные опровергнуть обвинения его противника, прокурора Лепинаса.

И пока мэтр Арналь снова и снова продумывает свою речь, грозный Лепинас входит в столовую своего роскошного дома. Он садится за стол, разворачивает газету и пьет утренний кофе, который подает ему супруга в его роскошной столовой.

Марсель, в своей одиночке, тоже пьет – горячее пойло, которое приносит ему тюремщик. Судебный исполнитель только что зачитал ему вызов на заседание чрезвычайной судебной комиссии города Тулузы. Марсель глядит в окошечко: небо стало чуть светлее, чем минуту назад. Он думает о маленькой дочке, о жене; они сейчас где-то в Испании, по другую сторону Пиренеев.

Супруга Лепинаса встает, целует мужа в щеку и уходит на собрание благотворителей. Прокурор надевает пальто, смотрится в зеркало, довольный своим внушительным видом и уверенный в победе. Он затвердил свою речь наизусть – именно затвердил, ибо он будет тверд в своем бессердечии. Перед домом его ждет черный «ситроен», машина отвезет его во Дворец правосудия.

На другом конце города жандарм по фамилии Кабаннак выбирает у себя в шкафу самую красивую рубашку – белую, с накрахмаленным воротничком. Это тот самый молодой жандарм, который доставил арестованного в полицию, и сегодня ему предстоит выступать как свидетелю. Завязывая галстук, он чувствует, что у него взмокли ладони. Предстоящее действие вызывает у него смутное сомнение, что-то в нем не так, он это чувствует, жандарм Кабаннак; если бы можно было прокрутить все назад, уж он бы дал сбежать этому типу с его черным чемоданом. Враги-то ведь немцы, а не такие парни, как этот. Но как же быть с французским государством, с его административной машиной. Он в этой механике не более чем простой винтик, и не ему нарушать ее ход. Уж он-то, жандарм Кабаннак, неплохо в этом разбирается; в свое время отец многому его научил, в том числе и моральным принципам, они всегда идут с ней в паре. По выходным он с удовольствием занимается починкой своего мотоцикла в отцовском сарайчике-мастерской. Ему хорошо известно, что стоит потерять какую-нибудь деталь, как весь механизм дает сбой. Вот почему Кабаннак подтягивает влажными руками узел галстука под накрахмаленным воротничком красивой белой рубашки и направляется к трамвайной остановке.

Вдали показывается черный «ситроен», он обгоняет трамвай. Пожилой человек, сидящий на деревянной скамейке в задней части вагона, перечитывает записи. Мэтр Арналь на миг поднимает голову и снова погружается в чтение. Дело

обещает быть очень сложным, но ничто еще не потеряно. Трудно поверить, что французский суд приговорит к смерти патриота своей страны. Лангер – отважный человек, один из тех, кто действует, руководствуясь законами чести. Он понял это с первой же минуты их встречи в камере. У заключенного было страшное, распухшее лицо, синяки на скулах от жестоких ударов, которыми его осыпали тюремщики, разбитые в кровь губы посинели и вздулись. Адвокат пытается представить себе Марселя до того, как его «обработали», изуродовали донельзя, оставив на нем эти отпечатки зверской жестокости. «Черт побери, они же сражаются за нашу свободу, – бурчит себе под нос Арналь, – неужели это так трудно понять?!» Ладно, если наш суд такой непонятливый, он, Арналь, постарается открыть им глаза. Пускай парня приговорят к тюремному заключению, чтоб другим неповадно было, это еще куда ни шло, так они хотя бы «сохранят лицо», но смертный приговор – нет, нет и нет! Это было бы недостойно французского правосудия. И к тому моменту, как трамвай с металлическим скрежетом тормозит на остановке «Дворец правосудия», мэтр Арналь вновь обретает необходимую уверенность в благоприятном воздействии своей защитительной речи на судей. Он выиграет этот процесс, он скрестит шпаги со своим противником, прокурором Лепинасом, и спасет жизнь этого молодого человека, своего подзащитного. «Марсель Лангер», – повторяет он шепотом, поднимаясь по ступеням.

Пока мэтр Арналь шагает по длинному коридору дворца, Марсель, прикованный наручником к жандарму, ждет неподалеку, в тесной комнатухе.

Процесс проходит за закрытыми дверями. Марсель сидит в боксе для подсудимых, Лепинас поднимается с места, не удостоив его ни единым взглядом: ему наплевать на человека, которого он решил осудить, он знает его не желает. Перед ним всего несколько листков. Для начала он воздает должное бдительности жандармерии, которая пресекла на корню деятельность опасного террориста, затем напоминает высокому суду о своем долге, повелевавшем ему уважать закон и заставить уважать его других. Далее, ткнув пальцем в сторону подсудимого, на которого он так и не взглянул, прокурор Лепинас приступает к обвинению. Огласив длинный список покушений, жертвами коих стали немцы, он просит присутствующих вспомнить о том, что Франция подписала почетный договор о перемирии и что обвиняемый – кстати, даже не француз! – не имеет никакого права подрывать авторитет государства. И потому говорить в данном случае о смягчающих обстоятельствах означало бы попирать честь самого

маршала. «Если господин маршал согласился на перемирие, он сделал это во благо Нации! – напыщенно заявляет Лепинас. – И мы не позволим какому-то иностранному террористу порочить его решение!»

В конце выступления, решив разбавить свой пафос каплей юмора, он напоминает, что Марсель Лангер перевозил отнюдь не петарды для 14 июля, а взрывчатку, предназначенную для подрыва немецкой техники, иными словами, собирался нарушить мирную жизнь французских граждан. Марсель улыбается. Как же они теперь далеки – эти фейерверки 14 июля!

На тот случай, если защита прибегнет к аргументам патриотического порядка, с целью добиться для Лангера смягчающих обстоятельств, Лепинас еще раз напоминает суду, что обвиняемый – человек без родины, что он предпочел бросить жену и малолетнюю дочь в Испании, куда также приехал заниматься подрывной деятельностью, даром что был польским гражданином и не имел никакого отношения к испанскому конфликту. Что Франция, в безграничном своем милосердии, оказала ему гостеприимство, но отнюдь не для того, чтобы он сеял здесь беспорядок и хаос. «Я спрашиваю себя, как этот апатрид смеет утверждать, что он действовал подобным образом во имя патриотических идеалов!» Лепинас усмехается, довольный своим каламбуром, своей патетической фразой. И, опасаясь, что судьи страдают амнезией, он еще раз зачитывает обвинительный акт, напоминает о законах, требующих за такие преступления смертной казни, и выражает удовлетворение тем фактом, что эти законы так строги и неумолимы. Выдержав паузу, Лепинас поворачивается к обвиняемому и наконец-то удостоивает его взглядом. «Вы иностранец, коммунист и подпольщик – вот три преступления, каждое из которых заслуживает того, чтобы я просил суд о смертном приговоре». Затем он поворачивается к судьям и бесстрастным тоном требует для Марселя Лангера смертной казни.

Мэтр Арналь, белый как стена, поднимается в ту самую минуту, когда Лепинас усаживается на место. Старый адвокат стоит, прикрыв глаза, откинув назад голову и прижав руки ко рту. Судьи замерли, смолкли, секретарь бесшумно кладет на стол ручку. Даже жандармы и те затаили дыхание, ожидая начала его речи. Но в эту минуту мэтр Арналь не в силах говорить, он борется с тошнотой.

Только сейчас он – последним из присутствующих – понял, что исход процесса заранее известен и решение давно принято. А ведь Лангер говорил ему об этом

еще в своей камере; он-то знал, что уже приговорен. Но старый адвокат свято верил в правосудие и без конца уверял Марсея, что тот ошибается, что он будет защищать его, как повелевает долг, и непременно выиграет дело. А теперь мэтр Арналь спиной чувствует взгляд Марсея, и ему чудится, будто он слышит его голос: «Вот видите, я был прав, но я на вас не сержусь, вы все равно ничего не смогли бы сделать».

И тогда на мэтра Арналя нисходит вдохновение; воздев руки, так что широкие рукава его мантии какое-то мгновение словно парят в воздухе, он приступает к своей защитительной речи. Кто смеет расхваливать работу жандармерии, когда на лице обвиняемого отчетливо видны следы жестоких побоев? Кто смеет шутить по поводу 14 июля в сегодняшней Франции, лишенной права отмечать этот праздник? И что знает об этих иностранцах прокурор, который их обвиняет?

Познакомившись с Лангером в камере свиданий, он, Арналь, понял, как искренне эти, по определению Лепинаса, «апатриды», любят страну, которая их приняла, как все они готовы, подобно Марселю Лангеру, защищать ее, отдать за нее жизнь. Прокурор не пожалел черных красок, описывая обвиняемого. На самом же деле это прямодушный, честный человек, любящий муж и отец. И в Испанию он приехал вовсе не для того, чтобы стрелять и взрывать, а потому, что больше всего на свете ему дороги свобода и человечность. Разве Франция еще вчера не была страной, где главенствовали права человека? Осудить на смерть Марсея Лангера – значит разрушить надежду на жизнь в более справедливом мире.

Выступление Арналя длилось больше часа, он говорил, напрягая последние силы, но его слова не встречали отклика у судей, уже принявших решение. Страшный это был день – 11 июня 1943 года. Приговор прозвучал, Марсея ждала гильотина. Когда Катрин узнает эту новость в кабинете Арналя, она до боли стиснет зубы, но стойко выдержит этот удар. Адвокат клянется, что так этого не оставит, что он поедет в Виши просить о помиловании.

Сегодня вечером в помещении заброшенного вокзальчика, которое служит Шарлю и жилищем и мастерской, за столом больше народу, чем обычно. С момента ареста Марсея командование бригадой принял на себя Ян. Катрин села рядом с ним. По взгляду, которым они обменялись, я окончательно убедился, что они любят друг друга. И все же в глазах Катрин застыла грусть,

она с трудом выговаривает слова, сообщая нам страшную новость: Марсель приговорен к смерти французским прокурором. Я не знаком с Марселем, но у меня, как и у всех сидящих за столом, тяжело на сердце, и даже у моего младшего брата пропал аппетит.

Ян ходит по комнате взад-вперед. Все молчат, ждут, что он скажет.

– Если они пойдут до конца, придется убрать Лепинаса, чтобы запугать их; иначе эти сволочи начнут посылать на гильотину всех партизан, которые попадут им в лапы.

– Пока Арналь будет добиваться помилования, можно было бы подготовить акцию, – добавляет Жак.

– Его апеласьон взять гораздо больше время, – шепчет Шарль на своем невозможном языке.

– А пока мы, значит, так и будем сидеть сложа руки? – спрашивает Катрин; она одна поняла, что хотел сказать Шарль.

Ян в раздумье продолжает мерить шагами комнату.

– Необходимо действовать именно сейчас. Раз они осудили на смерть Марселя, мы казним одного из них. Завтра мы прикончим немецкого офицера прямо на улице, а потом распространим листовки с объяснением причин этой акции.

Я, конечно, не очень-то разбираюсь в политических акциях, но у меня в голове вертится одна идея, и я рискую подать голос:

– Если мы и вправду хотим их запугать, лучше всего сперва распространить листовки, а потом уже убить немецкого офицера.

– И таким образом поднять их всех на ноги? Может, еще что-нибудь умное скажешь, в том же роде? – говорит Эмиль; он, судя по всему, меня невзлюбил.

– Мое предложение не так уж глупо, даже если осуществить эти две акции с разрывом всего в несколько минут, но именно в таком порядке. Сейчас объясню. Если сначала угробить боша, а потом разбросать листовки, мы будем выглядеть трусами в глазах населения. Ведь и Марселя сперва судили и только потом приговорили к смерти.

Я сильно сомневаюсь, что «Депеш» правильно осветит сомнительный приговор, вынесенный герою-партизану. Они просто сообщат, что суд приговорил к смерти какого-то террориста. В таком случае нужно играть по их правилам; город будет на нашей стороне, а не на их.

Эмиль собрался было прервать меня, но Ян сделал ему знак не мешать мне говорить. В моих рассуждениях была логика, оставалось только найти нужные слова, чтобы убедить товарищей в своей правоте.

– Давайте завтра же утром напечатаем объявление о том, что в ответ на смертный приговор Марселю Лангеру Спротивление осудило на казнь немецкого офицера. И еще напишем, что наш приговор будет приведен в исполнение сегодня же, начиная с полудня. Я займусь офицером, а вы в это время будете всюду разбрасывать листовки. Люди сразу узнают, в чем дело, тогда как новость об уже совершенной акции распространится по городу только спустя какое-то время. Газеты напишут об этом лишь на следующий день, и таким образом видимость нужной очередности событий будет соблюдена.

Ян глядит на каждого из присутствующих; наконец он встречается взглядом и со мной. Я знаю, что он принял мои аргументы – правда, с одной оговоркой: он слегка вздрогнул, услышав мое дерзкое заявление о том, что я беру на себя убийство немца.

В любом случае, если он еще колеблется, у меня припасен неоспоримый довод: эта идея принадлежит мне; кроме того, я украл велосипед и, стало быть, доказал свою готовность выполнить указания бригады.

Ян смотрит на Эмиля, на Алонсо и Робера, потом на Катрин, та кивает. Шарль внимательно следит за этой сценой. Затем встает, уходит в кладовку под лестницей и возвращается с обувной коробкой. Вынимает из нее и протягивает мне револьвер с барабаном.

– Этот вечер лутше твой фратер, и ти спать тут.

Ян подходит ко мне.

– Значит, так: ты будешь стрелять; ты, испанец (он обращается к Алонсо), подашь ему знак, а ты, малыш, будешь держать велосипед наготове, только разверни его в ту сторону, куда будете уходить.

Вот и все. Я понимаю, мой рассказ звучит как-то обыденно; к этому нужно добавить, что Ян и Катрин ближе к ночи ушли, а я остался – с оружием, заряженным шестью пулями, и с моим дурачком-братом, которому во что бы то ни стало хотелось посмотреть, как из него стреляют. Алонсо придвинулся ко мне и спросил, откуда Яну известно, что он испанец, ведь он же за весь вечер ни разу рта не раскрыл.

– А откуда Ян знал, что стрелять назначат меня? – сказал я, пожав плечами. Я не ответил на вопрос Алонсо, однако молчание моего нового друга свидетельствовало о том, что мой вопрос заставил его позабыть о своем собственном.

В тот вечер мы впервые заночевали у Шарля в столовой. Я буквально валился с ног от усталости, но мне пришлось засыпать с тяжестью на груди: во-первых, на меня давила голова братишки, который со времени разлуки с родителями завел противную привычку спать тесно приткнувшись ко мне; во-вторых, я ощущал увесистый револьвер с барабаном, засунутый в левый нагрудный карман куртки. И, хотя сейчас он пока не был заряжен, я даже во сне боялся, как бы не продырявить голову моему младшему брату.

Когда все уснули, я тихонько встал и на цыпочках вышел в сад за домом. Шарль держал там собаку спаниеля, доброго и ужасно глупого.

Я вспоминаю этого пса, потому что в ту ночь мне ужасно хотелось погладить его мохнатую голову. Присев на стул под натянутой бельевой веревкой, я взглянул в небо и вытащил из кармана свой «пугач». Пес подошел и обнюхал ствол, а я гладил его по голове, приговаривая, что он единственное существо, которому я даю понюхать мое оружие. Я говорил так потому, что в тот момент мне очень нужно было почувствовать уверенность в своих силах.

В конце минувшего дня, украв пару велосипедов, я вступил в ряды Сопrotивления и только теперь, ночью, слыша простуженное сопение своего братишки, наконец поверил в то, что это произошло. Я превратился в Жанно из бригады Марсея Лангера; в течение многих последующих месяцев я взрывал поезда и опоры электропередач, выводил из строя моторы и крылья самолетов.

Я был членом группы, которой удалось немислимое – сбивать немецкие бомбардировщики... с велосипеда.

4

Нас разбудил Борис. Еще только начинает светать, голодные спазмы терзают желудок, но я не должен обращать на это внимание, сегодня мы завтракать не будем. И потом, на меня возложена важная миссия. Сильно подозреваю, что у меня крутит кишки больше от страха, чем от голода. Борис садится к столу, Шарль уже за работой: красный велосипед преображается прямо на глазах, он уже лишился своих кожаных наконечников на руле, теперь их сменили другие, непарные – один красный, другой синий. Что ж, как ни жаль раскурочивать эту элегантную машину, я уступаю доводам разума: главное, чтобы краденые велосипеды никто не признал. Пока Шарль проверяет переключатель скоростей, Борис знаком подзывает меня к себе.

– Планы изменились, – говорит он. – Ян не хочет, чтобы вы шли на акцию все втроем. Вы новички, и, если возникнут проблемы, лучше, чтобы вас подстраховывал кто-то из опытных бойцов.

Не знаю, что это значит: может, бригада еще недостаточно мне доверяет. Поэтому я молчу и предоставляю говорить Борису.

– Твой брат останется здесь. А я буду тебя сопровождать и прикрою твой отход. Теперь слушай внимательно, как все должно пройти. Чтобы убить врага, есть особый метод, и нужно следовать ему буквально, это очень важно. Эй, ты меня слушаешь?

Я киваю. Борис, наверное, понял, что на какой-то миг я отвлекся от разговора. Я думал о братишке: вот разобидится-то, когда узнает, что его отстранили от дела. А я даже не смогу его убедить, что мне будет спокойней от сознания, что сегодня утром его жизнь не подвергнется опасности.

И вдвойне спокойней оттого, что Борис студент третьего курса мединститута и, если меня подстрелят во время акции, сможет мне помочь, хотя это совершенно дурацкая мысль, ведь в таких операциях самый большой риск не в том, что тебя ранят, а в том, что ты будешь арестован или попросту убит, а это, в большинстве случаев, почти одно и то же.

Но, как бы то ни было, я признаю, что Борис прав, – наверное, я действительно отвлекся, пока он говорил; могу только сказать в свое оправдание, что всегда отличался этой прискорбной особенностью – грезить наяву, даже мои преподаватели всегда говорили, что я из породы рассеянных. Это было еще до того, как я вздумал сдавать экзамены на бакалавра, а директор лицея отправил меня домой. Ибо с такой фамилией, как моя, о бакалавриате и мечтать не приходилось.

Ну да ладно, я встряхиваюсь и заставляю себя сосредоточиться на плане предстоящей акции, иначе мой товарищ Борис, старательно излагающий мне, шаг за шагом, что нужно делать, в лучшем случае отчитает меня за невниманье, а в худшем попросту лишит возможности участвовать в операции.

– Ты меня слушаешь? – спрашивает он.

– Да-да, конечно!

– Значит, как только мы засечем цель, обязательно проверь, снят ли револьвер с предохранителя. У нас бывали случаи, когда ребята попадали в серьезные переделки, думая, что оружие дало осечку, а на самом деле они попросту забывали снять его с предохранителя.

Я подумал, что это и впрямь дурацкая случайность, но когда тебе страшно, по-настоящему страшно, ты становишься таким неуклюжим, что хоть плачь; это действительно так, можешь поверить мне на слово. Главное было не прерывать Бориса и вникнуть в его указания.

– Нужно, чтобы это был офицер, простых солдат мы не убиваем. Это тебе ясно? Мы пойдем за ним на некотором расстоянии, не слишком далеко и не слишком близко. Я буду вести наблюдение за окружающим сектором. Ты подойдешь к нему и выпустишь несколько пуль, только считай выстрелы, чтобы оставить один про запас. Это очень важно: при отходе он может тебе понадобиться, никогда ведь не знаешь, как все обернется. Я буду прикрывать твой отход. А твое дело – посильней жать на педали. Если кто-то попытается тебя задержать, я тебя защищу. Что бы ни случилось, не оборачивайся, жми на педали и сваливай поскорей, понял?

Я попытался сказать «да», но у меня жутко пересохло во рту, язык будто к небу прилип. Борис истолковал мое молчание как согласие и продолжал:

– Когда отъедешь достаточно далеко, сбавь скорость и кати себе спокойненько, как обычный велосипедист. С той лишь разницей, что тебе придется ездить по городу очень долго. Будь внимателен: если заметишь, что за тобой кто-то увязался, ни в коем случае не рискуй, иначе приведешь его к себе на квартиру. Выезжай на набережные, останавливайся почаще и проверяй, нет ли вокруг лиц, которые ты уже где-то видел. Не верь в совпадения, в нашей подпольной жизни их не бывает. И возвращайся только тогда, когда на сто процентов убедишься, что все чисто.

Теперь мне было уже не до шуток; я знал свое задание назубок, если не считать одного: я совершенно не представлял себе, каково это – стрелять в человека.

Шарль вернулся из мастерской с моим великом, претерпевшим капитальную переделку.

– Ну вот, готово, – сказал он. – Главное, теперь педали и цепь рапотать хорошо!

Борис сделал мне знак: пора! Клод еще спал, и я подумал: стоит ли его будить? Если я погибну, он опять-таки разобидится, что я даже не попрощался с ним перед смертью. Нет, пускай уж лучше спит; и потом, он всегда просыпается голодный, как волк, а ведь жрать-то нечего. Каждый лишний час сна избавляет от мук голода. Я спросил, почему не едет с нами Эмиль.

– Забудь про него! – шепнул мне Борис.

И объяснил, что вчера у Эмиля украли велосипед. Этот болван оставил его в вестибюле своего дома, не надев антиугонного замка. Самое обидное, что это была прекрасная машина с такими же кожаными ручками, как на той, что спер я сам! Пока мы будем проводить операцию, ему придется раздобыть себе другой. Впрочем, Борис сказал, что Эмилю свистнуть велосипед – раз плюнуть!

Операция прошла в точности так, как спланировал Борис. Вернее, почти так. Немецкий офицер, которого мы себе наметили, спускался по лестнице в десять ступеней к небольшой площадке, где стояла «веспасианка». Так назывались зеленые будочки писсуаров, расставленные по всему городу. Мы-то называли их просто «чашками», из-за формы унитаза. Но поскольку они были введены в обиход римским императором Веспасианом, их так и окрестили в его честь. Ей-богу, я бы наверняка сдал на бакалавра, если бы, на свою беду, не был евреем, а экзамены не пришлось бы на июнь 1941 года.

Борис подал мне знак. Место для стрельбы было идеальное – маленькая площадка располагалась ниже улицы, вокруг ни души. Я вошел в туалет следом за немцем, который не заметил в этом ничего подозрительного: обычный парень, более чем скромно одетый и далеко не такой бравый, как он сам в своем безупречном зеленом мундире, – просто человеку, как и ему, «приспичило». Туалет состоял из двух кабинок, и то, что я спустился за ним по лестнице, его ничуть не насторожило.

Итак, я очутился в писсуаре, рядом с немецким офицером, в которого мне предстояло выпустить полную обойму (не считая одной пули про запас, как велел Борис). Я даже не забыл снять револьвер с предохранителя, но тут передо мной встала другая, поистине трудная проблема – моральная. Можно ли с честью носить звание участника Сопротивления и при этом укокошить типа, который стоит рядом в неприличной позе, с расстегнутой ширинкой?

Я не мог спросить об этом своего товарища Бориса – он ждал меня с двумя велосипедами наверху, у лестницы, готовясь прикрыть мой отход. Я был один, и мне предстояло все решать самому.

И я не стал стрелять, просто не смог. Невозможно было смириться с мыслью, что моим первым убитым врагом окажется писающий немец, – это свело бы на нет

весь героизм моей акции. Будь у меня возможность посоветоваться с Борисом, он бы наверняка напомнил мне, что этот самый враг служит в армии, где никто не задается такими вопросами и уж конечно не мучится сомнениями, стреляя в затылок детям, поливая автоматными очередями бегущих по улице парней, без счета уничтожая людей в лагерях смерти. И он был бы прав на все сто, мой товарищ Борис. Однако я-то мечтал стать летчиком в составе эскадрильи Королевских военно-воздушных сил Англии, и пусть мне это не удалось, но хотя бы честь свою я должен был спасти. Я ждал момента, когда этот тип вернет себе достаточно пристойный вид, чтобы умереть от моей руки. Моя решимость не поколебалась при виде его легкой кривой улыбочки, когда он направился к выходу, не обращая никакого внимания на то, что я опять иду следом за ним по лестнице. Туалет стоял в глубине тупика, из которого был только один путь на улицу.

Борис, не слыша выстрелов, наверное, никак не мог понять, что я делал все это время. Но мой офицер поднимался по ступеням впереди меня – не стрелять же ему в спину. Единственным способом заставить его обернуться был бы оклик, но как его позвать, если весь мой немецкий сводился к двум словам – ja и nein. Что ж, тем хуже, еще несколько секунд, и он выйдет на улицу, тогда мое дело хана. Пойти на такой сумасшедший риск и провалить акцию в самый последний момент, – нет, это было бы слишком глупо. Я набрал в легкие воздуху и гаркнул изо всех сил: «Ja!» Офицер, вероятно, счел, что я обращаюсь именно к нему, тотчас обернулся, и я воспользовался этим, чтобы всадить ему пять пуль в грудь, иными словами, встретился с врагом лицом к лицу.

Дальше все произошло примерно так, как спланировал мой инструктор, Борис. Я сунул револьвер за пояс, обжегшись при этом о дымящийся ствол, из которого только что вылетели пять пуль с такой скоростью, вычислить которую мне, с моими скромными познаниями в математике, было бы затруднительно.

Взбежав по лестнице, я вскочил на велосипед, и при этом у меня из-за пояса выскользнул револьвер. Я нагнулся, чтобы подобрать оружие, но услышал крик Бориса:

– Мотай отсюда, черт возьми! – и это вернуло меня к действительности.

Я помчался прочь, задыхаясь, бешено крутя педали и виляя между прохожими, уже бежавшими туда, где прозвучали выстрелы.

По дороге я непрерывно думал о потерянном револьвере. В бригаде оружия было очень мало. Нам, в отличие от макизаров, не доставались посылки из Лондона, которые им сбрасывали на парашютах, и это было ужасно несправедливо: макизары не придавали большого значения этим ящикам и прятали их в тайниках, на случай будущей высадки союзников, до которой было еще куда как далеко. Мы же могли раздобыть оружие одним-единственным способом – отнять его у врага, да и случалось это крайне редко, во время опаснейших операций. И вот теперь у меня не только не хватило духу, чтобы выхватить маузер из кобуры немца, но я еще ухитрился потерять и свой револьвер. Мне кажется, я так упорно думал об этом еще и потому, что хотел поскорей забыть другое: даже если все произошло в конечном счете именно так, как спланировал Борис, я только что убил человека.

В дверь постучали. Клод, который лежал на кровати, устремив взгляд в потолок, сделал вид, что это его не касается, – он будто бы слушает музыку; но в комнате было тихо, и я понял, что он дуется.

На всякий случай Борис подкрался к окну и, приподняв край занавески, выглянул наружу. На улице все было спокойно. Я открыл и впустил Робера. По-настоящему его звали Лоренци, но у нас все звали его только Робером, а иногда еще Обмани Смерть, и в этом прозвище не было ничего обидного. Просто Лоренци обладал особыми качествами, прежде всего меткостью в стрельбе – тут он не знал себе равных. Не хотелось бы мне попасться ему на мушку: вероятность промаха у нашего дорогого Робера сводилась к нулю. Он добился от Яна разрешения постоянно иметь револьвер при себе, тогда как остальные члены бригады из-за нехватки оружия, должны были сдавать свой «ствол» по окончании акции, чтобы им могли воспользоваться другие. Как ни странно это покажется, но у каждого из нас имелся недельный график, где теракты были расписаны по дням: когда взорвать подъемный кран на канале, когда поджечь военный грузовик, устроить крушение поезда, атаковать пост немецкого гарнизона, ну и так далее, по списку... Кстати, хочу заметить, темпы нашей деятельности, установленные Яном, непрерывно росли. «Пустые» дни выпадали так редко, что мы буквально выбивались из сил.

Принято считать, что у метких стрелков возбудимая, даже экспансивная натура; Робер, напротив, был спокоен и уравновешен. Он вызывал горячее восхищение у

своих соратников и сам относился к ним с какой-то естественной теплотой, находя для каждого слова симпатии или утешения, что было большой редкостью в наши суровые времена. И еще: Робер, один из немногих, всегда приводил своих товарищей с операций целыми и невредимыми, так что его прикрытие было гарантией безопасности.

Однажды мне довелось встретить его в бистро на площади Жанны д'Арк, куда мы частенько заходили поесть супа из кормового гороха-вики, который в мирное время давали скоту; по вкусу он слегка напоминает чечевицу, и нам приходилось довольствоваться этим отдаленным сходством. Когда живот подводит от голода, воображение разыгрывается вовсю.

Робер ужинал, сидя напротив Софи, и, заметив, как они переглядываются, я мог бы поклясться, что они тоже любят друг друга. Возможно, я и ошибался – ведь Ян твердо сказал, что партизаны не имеют права на ухаживания и любовь, это слишком опасно для всех. Но когда я думаю, сколько же наших арестованных товарищей накануне казни корили себя за то, что подчинились этому правилу, мне становится просто физически больно.

В тот вечер Робер присел на краешек постели, но Клод даже не шелохнулся. Придется мне как-нибудь поговорить с братишкой по поводу его вздорного нрава. Сам Робер сделал вид, будто ничего не заметил, и, протянув мне руку, поздравил с успешной акцией. Я ничего не ответил: меня раздирали противоречивые чувства, и это состояние, которое учителя называли природной рассеянностью, а на самом деле было глубокой задумчивостью, неизменно обрекало меня на полнейшую немоту.

И пока Робер смотрел на меня в ожидании ответа, я размышлял о том, что, вступая в Соппротивление, лелеял три мечты: примкнуть к генералу де Голлю в Лондоне, сражаться в составе британского воздушного флота и успеть убить врага, прежде чем умереть самому.

Я уже понял, что две первые мечты неосуществимы, но третья все же была реализована, и, казалось, я должен сиять от радости: ведь я-то остался жив, хотя после убийства офицера прошло уже несколько часов. В действительности я испытывал нечто совершенно противоположное. Я представлял себе, как

«мой» немецкий офицер, которого по правилам следствия нельзя трогать, до сих пор лежит, раскинув руки, там, где я его оставил, то есть на ступенях лестницы, откуда виден тот писсуар внизу, и эта картина не доставляла мне никакого удовлетворения.

Борис кашлянул; я очнулся и понял, что Робер протягивает мне руку вовсе не для того, чтобы я ее пожал, хотя, наверное, при его прирожденной доброте он ничего не имел бы против, – по всей видимости, он просто хотел забрать свое оружие. Ведь револьвер, который я выронил, принадлежал именно ему!

Я не знал, что Ян поставил его запасным охраняющим, чтобы свести к минимуму риск операции, когда я буду стрелять и после спасаться бегством, ведь я был еще так неопытен. Как уже сказано, Робер всегда выводил из акций своих людей живыми. Больше всего меня тронуло то, что вчера вечером он передал мне свое оружие через Шарля, а я-то едва обратил на него внимание за ужином, всецело занятый своей порцией омлета. Раз уж Робер, взявший на себя ответственность за мой отход и отход Бориса, решился на такой великодушный жест, значит, он хотел, чтобы у меня в руках был безотказный револьвер, никогда не дающий осечки, в отличие от автоматического оружия.

Вероятно, Робер не видел конца операции и не заметил, что револьвер, выскользнув у меня из-за пояса, упал на мостовую за миг до того, как Борис приказал мне смываться полным ходом.

Робер глядел на меня все настойчивей, но тут Борис встал, открыл дверцу старого шкафчика и, вынув оттуда долгожданный револьвер, без всяких комментариев вручил его хозяину.

Робер сунул его за пояс, а я воспользовался случаем, чтобы разузнать, как спрятать оружие, чтобы не обжечь себе живот и избежать неприятных последствий.

Ян остался доволен проведенной акцией, отныне мы считались полноправными членами бригады. И теперь нас ждало новое задание.

Как-то один парень из маки сидел и выпивал с Яном. Слово за слово, он то ли случайно, то ли намеренно проболтался о существовании фермы, где хранилось кое-какое оружие, сброшенное на парашюте англичанами. Нас это приводило в ярость: как можно припрятывать подальше, на случай высадки союзников, оружие, которого нам так не хватало для каждодневных операций! Да простят нас товарищи-макизары, но Ян принял решение запустить руку в этот тайник. Во избежание ненужных стычек и перепалок, мы должны были отправиться туда безоружными. Не хочу сказать, что между нашей бригадой и группами голлистов не было соперничества, но уж конечно мы не собирались стрелять в своих соратников, хотя наши отношения с макизарами не всегда можно было назвать братскими. Итак, мы получили строгие инструкции – не прибегать к силе, а если дело осложнится, просто «очистить помещение», и все тут.

Операция готовилась довольно остроумная, можно даже сказать – изящная. И если бы план, разработанный Яном, был выполнен без сучка без задоринки, даю голову на отсечение, что голлисты не доложили бы в Лондон о случившемся, иначе их сочли бы полными растяпами и прекратили снабжать боеприпасами.

Пока Робер излагал план действий, мой братишка притворялся, будто все это его не касается, но я-то видел, что он не упускает ни единого слова из разговора. Нам предстояло заявиться на эту ферму, которая находилась в нескольких километрах к западу от города, и объявить тамошним людям, что нас прислал некий Луи: мол, немцы засекли это место и собираются сюда нагрянуть, вот мы и хотим помочь фермерам переправить «товар»; они должны были выдать нам несколько ящиков с гранатами и пулеметами, которые хранили у себя. Мы погрузим все это на прицепы к велосипедам и отчалим, только нас и видели.

– Для операции требуется шесть человек, – заключил Робер.

Я понял, что не ошибся насчет Клода: он сел на кровати, как будто только что очнулся от дремы – именно в этот момент, так, чисто случайно.

– Хочешь поучаствовать? – спросил его Робер.

– Ну, раз у меня уже есть опыт кражи велосипедов, я думаю, что смогу так же ловко спереть и оружие. Наверно, я выгляжу заправским жуликом, если мне все время дают такие поручения.

– Как раз наоборот: у тебя вид пай-мальчика, вот почему ты подходишь на эту роль, тебя никто не заподозрит в воровстве.

Не знаю, принял ли Клод эти слова как комплимент или просто обрадовался, что Робер обратился прямо к нему, выказав тем самым уважение, которого моему братишке так не хватало, но у него тотчас просветлело лицо. Кажется, он даже улыбнулся. Удивительное дело: похвала, даже самая что ни есть скромная, способна растрогать кого угодно. Что ж, если вдуматься, любому из нас больно, очень больно, если окружающие тебя не замечают, словно ты невидимка.

Могу допустить, что все страдали от существования в неизвестности и только здесь, в бригаде, обрели нечто вроде семьи или братства, иными словами, стали жить как нормальные люди. Для каждого из нас это было очень важно.

Клод ответил:

– Я с вами.

Теперь нас было четверо – Робер, Борис, Клод и я, не хватало еще двоих – Алонсо и Эмиля, они должны были подойти позже.

Всем шестерым участникам операции первым делом предстояло как можно раньше добраться до Лубера, чтобы оборудовать велосипеды прицепами. Шарль велел нам подъезжать поочередно, – не из-за скромных размеров его мастерской, а просто чтобы наша команда не привлекла внимания соседей. Встречу назначили на шесть утра, у края деревни со стороны полей; это место называлось «Мощеный откос».

5

Первым на ферму заявился Клод. Он точно следовал инструкциям, которые Ян получил от своего связного, работавшего с макизарами.

– Нас прислал Луи. Он велел вам передать, что сегодня ночью прилив будет низкий.

– Тем хуже для рыбалки, – ответил фермер.

Клод не стал углубляться в эту тему и быстренько изложил вторую часть своего сообщения:

– Скоро сюда нагрянет гестапо, необходимо срочно перевезти оружие!

– Ох ты, черт возьми, что ж это будет! – воскликнул фермер.

Он взглянул на наши велосипеды и спросил:

– А где ваш грузовик?

Клод не понял вопроса, я, честно говоря, тоже, как и ребята, стоявшие позади. Но Клод за словом в карман не лазил и с ходу ответил:

– Машина сейчас подойдет, а мы пока начнем готовить перевозку.

Фермер повел нас к амбару. Там, под тюками сена, сложенными штабелем в несколько метров высотой, мы обнаружили то, что позже даст этой операции название «Пещера Али-Бабы». На полу стояли рядами ящики, набитые гранатами, минометами, автоматами «Стэн» и ручными пулеметами, мешками патронов, запалов, динамита – всего и не перечислишь.

Именно тогда я осознал две вещи, одинаково важные. Во-первых, мне нужно было пересмотреть свою точку зрения на подготовку макизаров к высадке союзников. Она изменилась коренным образом, когда я понял, что этот тайник был одним из многих, заложенных на этой территории. И второе: выходит, мы занимались тем, что воровали оружие, которое в любой день может понадобиться макизарам и которого им могло бы не хватить.

Я не стал делиться своими соображениями с Робером, руководившим нашей операцией, но не из боязни, что мой товарищ меня осудит; просто поразмыслил еще немного и подавил в себе угрызения совести: ведь то, что мы могли увезти

на наших жалких шести прицепах, не нанесло бы макизарам большого ущерба.

Чтобы лучше понять мои переживания при виде этого склада оружия – теперь, когда я уже знал ценность одного-единственного револьвера, имевшегося в нашей бригаде, и особенно когда услышал невинный вопрос фермера:

– А где же ваш грузовик? – представь себе, что перед моим младшим братом каким-то чудом оказалось полное блюдо хрустящей золотистой жареной картошки, но именно в тот день, когда его замучила тошнота.

Робер положил конец нашей общей растерянности, приказав в ожидании вымышленного грузовика укладывать все, что можно, в прицепы. Но в эту минуту фермер задал еще один вопрос, от которого мы все просто обалдели:

– А что будем делать с русскими?

– С какими русскими? – удивился Робер.

– Разве Луи вам ничего не сказал?

– Смотря что вы имеете в виду, – вмешался Клод, смелевший прямо на глазах.

– Да мы тут прячем двоих русских пленных, сбежавших с каторжных работ на Атлантическом валу[6 - Имеются в виду оборонные сооружения, которые немцы возводили на атлантическом побережье, готовясь отразить высадку союзников.]. С ними надо что-то решать. Рисковать никак нельзя: если они попадутся гестаповцам, их расстреляют на месте.

В сообщении фермера меня взволновали два момента. Во-первых, то, что мы поневоле обрекали на кошмар ожидания этих двух несчастных, которым и без того досталось сполна; но еще больше то, что фермер нисколько не заботился о собственной жизни. В моем списке значится немало людей, совершавших благородные поступки в тот бесславный период нашей истории; нужно будет подумать о том, чтобы включить в него и кое-кого из фермеров.

Робер предложил: пусть русские переждут эту ночь в ближайшем подлеске. Крестьянин спросил, сможет ли кто-нибудь из нас объяснить это беглецам, – его

познания в русском не стали шире с тех пор, как он прячет у себя этих бедолаг. Однако, увидев наши растерянные физиономии, он решил, что лучше заняться этим самому.

– Так оно будет вернее, – заключил он.

Пока он ходил к русским, мы под завязку нагрузили свои прицепы, а Эмиль прихватил еще пару мешков с патронами, совсем уж бесполезными, так как они не подходили по калибру к нашим револьверам, – правда, об этом мы узнали только от Шарля, когда вернулись.

Подавив угрызения совести, мы оставили нашего фермера в обществе его русских беглецов и торопливо покатали назад, по дороге, ведущей к мастерской, из последних сил таща на буксире свои битком набитые прицепы.

На въезде в городское предместье Алонсо не сумел обогнуть рытвину, и один из мешков с патронами выпал, перевалившись через борт прицепа. Прохожие удивленно пялились на странный груз, рассыпанный по мостовой. Двое рабочих, подбежав к Алонсо, помогли ему собрать патроны и загрузить их обратно, не задавая ненужных вопросов.

Шарль составил список наших трофеев и спрятал их в надежном месте. Затем вошел к нам в столовую и, одарив своей лучезарной беззубой улыбкой, объявил на тарабарском наречии:

– Ошен кароши рапот. Тепер ми иметь чем делать ченто операционе, таже болше! – Что мы сейчас же и перевели на нормальный язык: «Прекрасная работа! Теперь нам хватит оружия не меньше чем на сотню акций!»

6

Итак, акции продолжались, а июнь шел себе и шел и уже близился к концу. Подъемные краны, вырванные из опор нашей взрывчаткой, бессильно поникли над каналами, и выпрямиться им было не суждено; поезда лежали под откосами, сойдя с рельсов, ведущих в пустоту; дороги, по которым проезжали колонны

немецких машин, были перегорожены сваленными столбами линий электропередачи. В середине месяца Жаку и Роберу удалось подложить три бомбы в здание немецкой жандармерии, спалив его чуть ли не дотла. Префект региона вновь обратился к населению с воззванием; в этом мерзком послании французам предлагалось доносить на всякого, кого можно заподозрить в принадлежности к террористической организации. Начальник полиции тулузского района в своем коммюнике клеймил «тех, кто примкнул к так называемому Сопrotивлению, иначе говоря, смутьянов, нарушающих общественный порядок и спокойствие мирных французов». Этими смутьянами были мы, но плевать мы хотели на слова господина префекта.

Сегодня мы с Эмилем получили у Шарля гранаты с приказом забросать ими внутренние помещения телефонного узла вермахта.

Мы шли по улице, и Эмиль указывал мне на окна, в которые следовало целиться; по его сигналу мы швырнули туда снаряды. Я следил за их полетом, они описали почти идеальную траекторию. Время как будто остановилось. Затем раздался звон бьющегося стекла; мне даже почудилось, что я слышу, как гранаты катятся по полу и как немцы опрометью кинулись к ближайшей двери. Такие акции лучше проводить вдвоем: одному не всегда удается достичь успеха.

Я сильно сомневаюсь, что немецкие коммуникации будут скоро восстановлены. Но сейчас меня ничто не радует: мой младший брат уезжает от меня.

Клод стал теперь полноправным членом группы. И Ян решил, что наше совместное проживание слишком рискованно и противоречит правилам безопасности. Каждый из нас должен жить в одиночестве, чтобы в случае ареста не подставить соседа. Как же мне не хватает присутствия братишки; по вечерам я не могу заснуть, все думаю о нем. Ведь теперь, когда он проводит боевую операцию, я даже не знаю об этом. Я часами лежу на кровати, заложив руки за голову и пытаюсь заснуть, но сон мой никогда не бывает спокойным. Одиночество и голод – плохая компания. Урчание в животе временами нарушает тишину. Чтобы отвлечься от грустных мыслей, я включаю лампочку на потолке, и вскоре мне начинает казаться, что это свет в кабине моего английского истребителя. Я сижу за штурвалом «Спитфайра» Королевских военно-воздушных сил. Я лечу через Ла-Манш, и мне достаточно слегка наклонить самолет, чтобы увидеть под крылом пенистые волны, идущие рядами в сторону Англии, туда же, куда и я. Совсем рядом рокошет самолет моего брата; я бросаю взгляд на его

мотор, желая убедиться, что он не дымит, что мы благополучно вернемся на землю, и вот уже вдали маячит берег с обрывистыми белыми утесами. Я чувствую, как ветер врывается в кабину и свистит у моих ног. Совершив посадку, мы досыта наедемся в офицерской столовой всякой вкуснятиной... Но в этот момент за окном проносится колонна немецких машин, и рев их моторов возвращает меня в мою каморку, в мое одиночество.

Дождавшись, когда грохот немецких грузовиков стихнет в ночи, я заставляю себя забыть о мучительном чувстве голода и, набравшись мужества, гашу лампочку на потолке. Лежа в полутьме, мысленно твержу, что я не отрекся от своей мечты. Вполне вероятно, что я погибну, но от мечты не откажусь; в любом случае я был с самого начала готов к смерти, но ведь я пока еще жив, и кто знает?.. Может, в конечном счете Жак окажется прав, и в один прекрасный день к нам вернется весна.

Рано утром ко мне приходит Борис: нас ждет очередная акция. И пока мы ждем на педали, направляясь в Лубер, к старому вокзальчику, где нам выдадут оружие, мэтр Арналь едет в Виши, чтобы подать апелляцию по делу Лангера. Его принимает директор департамента уголовных дел и помилований. Он рассеянно слушает адвоката, явно думая о другом: неделя подходит к концу, и он озабочен тем, как провести выходные, осчастливит ли его любовница пылкими объятиями после изысканного ужина, который он заказал в одном из городских ресторанов. Директор департамента торопливо пробегает глазами досье, которое мэтр Арналь умоляет его тщательно изучить. Но факты налицо, изложены черным по белому и говорят сами за себя. Приговор не жесток, заключает директор, он всего лишь справедлив. Судей упрекнуть не в чем, они выполнили свой долг в полном соответствии с законом. Итак, он составил себе мнение об этом деле, однако мэтр Арналь снова и снова уговаривает его подумать, и тот соглашается ввиду столь сложной ситуации собрать Комиссию по помилованию.

Позже, выступая перед членами комиссии, он будет произносить фамилию Марселя таким образом, чтобы дать им понять: речь идет об иностранце. И пока старый адвокат Арналь собирается ехать из Виши домой, комиссия отказывает в помиловании его клиента. И пока старый адвокат садится в поезд, который следует в Тулузу, официальное решение также следует своим,

административным, путем: сначала попадает к хранителю печати, а потом в кабинет маршала Петена. Маршал подписывает протокол заседания комиссии, и отныне судьба Марселя решена: он будет гильотинирован.

Сегодня, 15 июля 1943 года, мы с моим другом Борисом совершили нападение на офис руководителя группы «Сотрудничество», что на площади Кармелитов. А послезавтра Борис займется неким Руже, ярким коллаборационистом и одним из усерднейших осведомителей гестапо.

Прокурор Лепинас в прекраснейшем расположении духа выходит из Дворца правосудия, чтобы пообедать. Административная возня в деле Марселя Лангера наконец-то успешно завершена. Отказ в помиловании, собственноручно подписанный маршалом Петеном, лежит у него на столе вместе с ордером на проведение казни. Лепинас все утро любовался этим листочком в несколько квадратных сантиметров. Для него этот клочок бумаги – награда, знак отличия, коим его удостоила верховная власть страны. И это не первое полученное им вознаграждение. Еще в начальной школе он каждый год предъявлял отцу свою *satisfecit* [7 - Похвальная грамота (лат.)], заработанную усердным трудом и благодаря почтительному отношению к учителям... Благодаря... а вот Марселю не за что благодарить прокурора Лепинаса, тот его не пощадил. Лепинас со вздохом приподнимает маленькую фарфоровую безделушку, что красуется на его столе рядом с кожаным бюваром, и подсовывает под нее ордер. Так он не будет отвлекать прокурора: ему необходимо подготовить речь для ближайшего заседания, однако его мысли обращаются к маленькому блокноту-еженедельнику. Он открывает его, перелистывает... один день, два, три... ага, вот здесь. Он колеблется перед тем, как написать «казнь, Лангер» над словами «обед, Арманда», – эта страница уже заполнена напоминаниями о встречах. В конце концов он просто ставит на ней крестик. И, закрыв блокнот, возвращается к своей речи. Еще несколько строк, и вот он опять наклоняется к листочку, торчащему из-под фарфоровой статуэтки. Снова открывает блокнот и пишет перед крестиком цифру 5. Именно в этот час он должен появиться у ворот тюрьмы Сен-Мишель. Наконец Лепинас прячет блокнот в карман, отодвигает золотой разрезальный нож от края стола и кладет его параллельно своей ручке. Наступил полдень, прокурору пора обедать. Лепинас встает, поправляет складку

на брюках и выходит в коридор Дворца.

На другом конце города мэтр Арналь кладет на свой письменный стол такой же листок бумаги, полученный нынче утром. В комнату входит уборщица. Арналь пристально смотрит на нее, не в силах выговорить ни слова.

- Вы плачете, мэтр? - шепчет женщина.

Арналь нагибается над корзинкой для бумаг, его рвет желчью. Он содрогается от спазмов. Уборщица, старая Марта, стоит в растерянности, не зная, что ей делать. Но тут же здравый смысл берет верх, ведь она вырастила двоих детей и троих внуков, уж ей ли не знать, что такое рвота. Она подходит к адвокату, кладет ладонь ему на лоб и всякий раз, как его сотрясает очередной позыв, поддерживает ему голову. Потом протягивает белый полотняный платок, и, пока хозяин вытирает губы, ее взгляд падает на лежащий перед ним листок бумаги; теперь и у старой Марты на глаза наворачиваются слезы.

Сегодня вечером мы все соберемся у Шарля. И сядем прямо на пол, в кружок - Ян, Катрин, Борис, Эмиль, Клод, Алонсо, Стефан, Жак, Робер и я. Письмо переходит из рук в руки, и каждый подыскивает - но не может найти - нужные слова. Что сказать другу, которому предстоит умереть?

- Мы тебя не забудем, - шепчет Катрин.

Именно так здесь думают все. Если наша борьба поможет нам завоевать свободу, если хоть один из нас останется в живых, он не забудет тебя, Марсель, и однажды он громко назовет твое имя. Ян слушает нас, потом берет ручку и пишет те несколько фраз, с которыми мы обращаемся к тебе на идише. Таким образом тюремщики, что поведут тебя на эшафот, не смогут понять наше послание. Ян складывает письмо, Катрин берет его и прячет за пазуху. Завтра она передаст его раввину.

Мы не уверены, что оно дойдет до осужденного. Марсель не верит в Бога и, скорее всего, откажется от последнего напутствия как тюремного священника, так и раввина. Но все-таки, а вдруг... В этой катастрофе уповаешь хотя бы на

крошечную долю везения. И пусть оно поможет тебе прочесть наши несколько слов, написанные для того, чтобы ты знал: если мы когда-нибудь опять станем свободными, то в большой мере благодаря тебе – потому что ты отдал за это свою жизнь.

7

Пять часов утра, печального утра 23 июля 1943 года. В кабинете тюрьмы Сен-Мишель Лепинас сидит за столом с напитками в компании судей, начальника тюрьмы и двух палачей. Кофе для людей в черном, по стаканчику сухого белого для утоления жажды – тем, кто попотел ночью, устанавливая гильотину. Лепинас без конца поглядывает на часы. Он ждет, когда стрелка завершит последний круг.

– Пора, – говорит он наконец, – зовите Арналя.

Старый адвокат не пожелал присоединиться к ним, он в одиночестве ждет во дворе. Его зовут, он входит, делает знак тюремщику и идет далеко впереди остальных.

Для побудки еще рано, но все заключенные уже стоят у окон. Им всегда известно, когда одного из них в этот день ждет казнь. Из окон несется тихий гул: голоса испанцев сливаются с голосами французов, вскоре к ним присоединяются итальянцы, потом наступает черед венгров, поляков, чехов и румын. Шепот превращается в песню, в громкий и гордый хор. В нем слышатся самые разные акценты, но звучат одни и те же слова. Это слова «Марсельезы», что отдается эхом в стенах тюрьмы Сен-Мишель.

Арналь входит в камеру; Марсель просыпается, смотрит на розовеющее небо в оконце и тотчас все понимает. Арналь обнимает его. Марсель продолжает глядеть поверх его плеча в небо и улыбается. Он шепчет на ухо адвокату:

– Я так любил жизнь!

Настала очередь тюремного парикмахера: нужно оголить затылок осужденного. Звякают ножницы, пряди волос падают на утопанный глиняный пол. Пока они проходят по коридорам, «Марсельезу» сменяет «Песня партизан». Дойдя до лестницы, Марсель останавливается, оборачивается, медленно поднимает руку, сжатую в кулак, и кричит:

– Прощайте, товарищи!

На какой-то миг тюрьма застывает в безмолвии. Потом заключенные хором кричат:

– Прощай, товарищ, и да здравствует Франция! – И вновь «Марсельеза» заполняет все пространство, но Марсель уже исчез.

Арналь в мантии и Марсель в белой рубашке плечом к плечу идут к неизбежному. Глядя на них со спины, трудно понять, кто кого поддерживает. Старший надзиратель вынимает из кармана пачку «Голуаз». Марсель берет протянутую сигарету, зажженная спичка потрескивает, огонек освещает нижнюю часть его лица. Он выдыхает легкое облачко дыма, и шествие продолжается. У двери, выходящей во двор, начальник тюрьмы спрашивает Марселя, не хочет ли он выпить стаканчик рома. Марсель отрицательно качает головой и смотрит на Лепинаса.

– Угостите-ка лучше этого человека, – говорит он, – ему это нужней, чем мне.

Марсель бросает наземь сигарету и делает знак, что он готов.

К нему подходит раввин, но Марсель улыбкой дает ему понять, что не нуждается в утешении.

– Благодарю вас, ребе, но я верю в лучший мир для людей только здесь, на земле, и только сами люди когда-нибудь захотят создать такой мир. Для себя и для своих детей.

Раввин прекрасно знает, что Марселю не нужна его поддержка, но он хочет выполнить данное ему поручение, а время не терпит. Поэтому он решительно

отстраняет Лепинаса и, протянув Марселю книгу, которую держит в руках, шепчет:

– Там кое-что есть для вас.

Марсель колеблется, потом осторожно берет книгу, листает ее. И находит между страницами письмо, написанное рукой Яна. Марсель проводит по строчкам пальцем справа налево, на миг прикрывает глаза и возвращает книгу раввину.

– Передайте им, что я благодарю, а главное, что я уверен в их победе.

Пять часов пятнадцать минут; дверь отворяется, выпуская людей в один из темных двориков тюрьмы Сен-Мишель. Справа от двери высится гильотина. Палачи по-своему деликатны: она стоит так, чтобы осужденный увидел ее лишь в последний момент. Немецкие часовые, стоящие на дозорных вышках, наслаждаются страшным спектаклем, который разыгрывается у них на глазах.

– Все-таки странные люди эти французы, ведь их враги – это мы, разве нет? – иронически бросает один из них.

Но его соотечественник только пожимает плечами и наклоняется, чтобы лучше видеть происходящее. Марсель всходит по ступеням эшафота, в последний раз оборачивается к Лепинасу со словами:

– Моя кровь падет на вашу голову, – и с улыбкой добавляет: – Я умираю за Францию и за лучшее будущее человечества.

Марсель сам, без посторонней помощи, ложится на доску; нож скользит вниз. Арналь, затаив дыхание, пристально глядит в небо, затканное легкими, словно шелковыми, волокнами облаков. У его ног камни двора обогрены кровью. И пока тело Марселя укладывают в гроб, палачи уже хлопчут, очищая от крови свою страшную машину. Багровую лужу засыпают несколькими горстями опилок.

Арналь провожает своего друга в последний путь. Он садится на козлы катафалка, тюремщики отворяют ворота, и лошади трогаются с места. На углу улицы катафалк проезжает мимо Катрин, но Арналь даже не узнает девушку.

Катрин и Марианна, укрывшиеся под козырьком подъезда, провожают взглядом погребальный экипаж. Стук лошадиных копыт затихает вдали. Сторож вывешивает на тюремных воротах объявление о совершённой казни. Больше здесь делать нечего. Белые как смерть, они покидают свое укрытие и бредут по улице. Марианна прижимает к губам платок – жалкое лекарство от тошноты, от горя. У Шарля девушки появляются часам к семи. Жак молчит и только до боли сжимает кулаки. Борис чертит кончиком пальца кружки на деревянном столе; Клод сидит, привалившись к стене, и не сводит с меня глаз.

– Сегодня мы должны убить кого-то из врагов, – говорит Ян.

– Без всякой подготовки? – спрашивает Катрин.

– Лично я согласен, – отвечает Борис.

Летом в восемь вечера еще совсем светло. Люди гуляют, наслаждаясь вернувшимся теплом. На террасах кафе полно народа, на каждом углу целуются влюбленные. Борис, затерянный в этой толпе, выглядит обычным молодым человеком, таким же безобидным, как все другие. Однако его рука сжимает в кармане рукоятку револьвера. Вот уже час, как он разыскивает свою жертву, не первую попавшуюся, а достойную мести за Марселя – вражеского офицера с золотыми галунами, с крестами на мундире. Но пока ему попались только двое подвыпивших немецких юнг, а эти молокососы не заслуживают смерти по такому поводу. Борис пересекает сквер Лафайета, проходит по Эльзасской улице, бродит по тротуарам площади Эскироль. Вдали слышатся звуки духового оркестра. Борис идет на эти звуки.

На эстраде играет немецкий оркестр. Борис находит свободный стул и садится. Закрыв глаза, он пытается унять взволнованное сердцебиение. Он не имеет права вернуться ни с чем, не должен разочаровать товарищей. Конечно, не такой мести заслуживает Марсель, но решение уже принято. Он открывает глаза, и тут ему улыбается удача: в первом ряду сидит бравый немецкий офицер. Борис глядит на фуражку, которой тот обмахивает лицо. На рукаве мундира он видит красную нашивку: значит, тот воевал в России. И уж конечно на его счету немало убитых, если он сейчас разгуливает по Тулузе. И, конечно, он послал на смерть немало своих солдат, раз ему теперь дозволено мирно

наслаждаться погожими летними вечерами на юго-западе Франции.

Концерт окончен, офицер встает, Борис идет за ним. Еще несколько шагов, и прямо посреди улицы гремят пять выстрелов, пять вспышек вырываются из ствола револьвера нашего товарища. Толпа мечется в панике, Борис исчезает.

Кровь немецкого офицера стекает в желоб у тротуара одной из тулузских улиц. А в нескольких километрах отсюда, в земле тулузского кладбища, давно уже высохла кровь Марселя.

Газета «Депеш» сообщает об акции Бориса; в том же номере объявляется о казни Марселя. Горожане быстро свяжут эти два события. Те, кто осудил на смерть Марселя, поймут, что нельзя безнаказанно проливать кровь партизан, а остальные будут знать, что здесь, рядом с ними, есть люди, которые борются с врагом.

Префект региона поспешил выпустить коммюнике, в котором заверял оккупантов в полной лояльности своих служб. «Едва я узнал о покушении, – объявил он, – как незамедлительно выразил возмущение от себя лично и от имени населения города господину генералу, начальнику штаба, и начальнику немецкой службы безопасности». Интендант полиции тулузского региона также приложил свои грязные лапы к этой коллаборационистской прозе: «Власти обещают выплатить значительное денежное вознаграждение за содействие в поимке террориста или террористов, совершивших гнусное покушение с применением огнестрельного оружия на немецкого офицера вечером 23 июля на улице Байяр в Тулузе». Конец цитаты! Этого самого Бартене только-только назначили на должность интенданта полиции. Несколько лет усердных трудов в ведомствах Виши создали ему репутацию опытного и сурового служаки; в результате он и добился повышения, о котором давно мечтал. Хроникер из «Депеш» поздравил его с назначением на первой странице газеты, горячо пожелав успехов. Что ж, мы тоже на свой лад «поздравили» этого типа. А в качестве дополнительного поздравления распространили по всему городу листовки с коротким сообщением, что убийство немецкого офицера стало мезью за казнь Марселя.

Мы не собирались ждать ничьих приказов. Раввин передал Катрин слова Марселя, обращенные к Лепинасу перед смертью на эшафоте: «Моя кровь падет на вашу голову». Эти слова потрясли нас, мы приняли их как завещание, оставленное нашим товарищем, как его последнюю волю. И мы непременно доберемся до Лепинаса, но эта операция потребует тщательной подготовки. Прокурора ведь не убьешь просто так, посреди улицы. Этого представителя закона наверняка охраняют, и передвигается он, конечно, только на машине с шофером; кроме того, мы не могли допустить, чтобы во время акции пострадали невинные люди. В отличие от тех, кто открыто сотрудничал с нацистами, кто доносил, арестовывал, пытал и ссылал, кто приговаривал к смерти и расстреливал, кто, забыв о совести и прикрываясь высокими словами о так называемом долге, утолял свою расистскую ненависть к «инородцам», мы были готовы обагрить свои руки кровью, но при этом ни разу не запятнали их убийством невинного.

Вот уже несколько недель Катрин по просьбе Яна налаживала для нас «службу разведки». Это означало, что она с помощью нескольких своих подружек – Дамиры, Марианны, Софи, Розины и Осны, девушек, которых нам запрещалось любить, но в которых мы все-таки влюблялись, – добывала сведения, необходимые для проведения наших акций.

В течение многих месяцев девушки из бригады вели слежку, скрытую съемку, разведывали маршруты и передвижения намеченных жертв, их распорядок дня, опрашивали соседей. Благодаря этой работе мы знали всё или почти всё о тех, кого наметили объектами покушения. Нет, мы не нуждались ни в чьих приказах. И во главе нашего списка кандидатов на возмездие стоял отныне прокурор Лепинас.

8

Жак попросил меня встретиться в городе с Дамирой, чтобы передать ей приказ об акции. Свидание было назначено в бистро, где наши встречались слишком уж часто; в конце концов Ян запретил нам совать туда нос – как всегда, из

соображений безопасности.

Я испытал шок, увидев ее в первый раз! Сам я был рыжеволосым, с белой кожей, усеянной веснушками так густо, что меня спрашивали, не смотрел ли я на солнце сквозь дуршлаг; вдобавок я носил толстенные очки. А Дамира была итальянкой и – что при моей близорукости было важнее всего – такой же рыжей, как и я. Я понадеялся, что это обстоятельство неизбежно создаст между нами какую-то особую близость. Но тут же одернул себя: один раз я уже ошибся, недооценив важность оружейных складов, созданных макизарами-голлистами, так что в отношении Дамиры тоже не следовало обольщаться.

Сидя перед тарелками с гороховым супом, мы должны были изображать парочку юных влюбленных; на самом деле Дамира вовсе не была в меня влюблена, хотя сам я уже слегка втюрился. Я глядел на нее так, как, наверное, и должен глядеть парень, проживший восемнадцать лет с огненно-рыжей мочалкой на голове и вдруг встретивший такое же рыжеволосое создание, да еще противоположного пола – это последнее обстоятельство явилось для меня чертовски приятным сюрпризом.

– Ты чего на меня так уставился? – спросила Дамира.

– Да так, ничего.

– За нами следят?

– Нет-нет, дело не в этом!

– Ты уверен? Ты так сверлишь меня глазами... я уж решила, что предупреждаешь об опасности.

– Дамира, я клянусь, нам ничего не угрожает!

– Тогда объясни, почему у тебя лоб весь в поту?

– В этом зале такая жарница, задохнуться можно.

– Мне так не кажется.

– Ну, ты же итальянка, а я парижанин, значит, ты к жаре привыкла больше, чем я.

– Если хочешь, можем пройтись.

Предложи мне Дамира сходить искупаться в канале, я бы согласился, не раздумывая. Она еще не успела договорить, а я уже был на ногах и пытался отодвинуть ее стул, чтобы помочь встать.

– Как приятно видеть галантного мужчину, – сказала она с улыбкой.

Температура у меня мигом подскочила на несколько градусов; впервые с начала войны можно было сказать, что я прекрасно выгляжу, – такой яркий румянец залил мои щеки.

Мы шли по направлению к каналу, и я уже видел в мечтах, как мы с моей рыжей красавицей-итальянкой плещемся в воде, предаваясь нежным любовным играм. Это было полным идиотизмом, поскольку купание между двумя подъемными кранами и тремя баржами с углем не сулило ровно никакой романтики. Но ничто на свете не помешало бы мне в ту минуту предаваться мечтам. И пока мы с ней пересекали площадь Эскироль, я сажал свой «Спитфайр» (его мотор подвел меня во время мертвой петли) на луг рядом с очаровательным маленьким коттеджем, в котором мы с Дамирой жили в Англии с тех пор, как она забеременела нашим вторым ребенком (вполне вероятно, он будет таким же рыженьким, как наша старшая дочь). В довершение блаженства как раз наступило время чая. Дамира спешила мне навстречу, пряча в карманах своего фартучка в красно-зеленую клетку несколько горячих песочных пирожных, только-только вынутых из духовки. Что ж, тем хуже для самолета: я займусь его ремонтом после чая; пирожные Дамиры были восхитительны – она, наверное, потратила уйму времени, готовя их для меня (и только для меня). Так могу же я хотя бы один раз на минуту забыть о своих воинских обязанностях и воздать должное своей жене. Сидя перед нашим домиком и опустив головку мне на плечо, Дамира вздыхала от полноты этого простого житейского счастья.

– Жанно, очнись, ты заснул, что ли?

– А в чем дело? – спросил я, вздрогнув.

- Ты положил голову мне на плечо!

Я выпрямился, побагровев от стыда. «Спитфайр», коттедж и чай с пирожными мгновенно исчезли, остались только темные блики на воде канала да скамья, на которой мы сидели.

В отчаянной попытке выправить ситуацию я кашлянул и, не осмеливаясь взглянуть на свою соседку, решил хоть что-нибудь разузнать о ней.

- Скажи, а как ты вступила в бригаду?

- Разве тебе не поручили передать мне приказ? - довольно сухо ответила Дамира.

- Да-да, верно, но ведь у нас еще есть время?

- У тебя, может, и есть, а у меня нет.

- Ладно, сначала ответь, а потом поговорим о деле.

Чуть поколебавшись, Дамира улыбнулась и все-таки решила ответить. Она наверняка почувствовала, что нравится мне, - девчонки ведь сразу это усекают, часто даже раньше, чем мы сами это осознаем. В ее согласии не было ничего предосудительного, она знала, как тягостно одиночество для всех нас, а может, и для нее самой, вот ей и захотелось доставить мне удовольствие, рассказав кое-что о себе. Уже темнело, но до комендантского часа было еще далеко, и в нашем распоряжении оставалось несколько часов. Юная парочка, сидящая на скамейке возле канала, в разгар оккупации, - что в этом плохого? Кто знает, сколько времени нам отпущено, и ей и мне?

- Никогда не думала, что война доберется и до нас, - начала Дамира. - А она пришла как-то вечером, по аллее, ведущей к дому: какой-то человек, одетый, как мой отец, в рабочую блузу, направлялся в нашу сторону. Папа вышел ему навстречу, и они довольно долго что-то обсуждали. Потом тот человек ушел. А папа вернулся и заговорил с мамой на кухне. Я увидела, что она плачет и приговаривает: «Неужели нам мало того, что случилось?» Она сказала так потому, что ее брата замучили пытками итальянские чернорубашечники. Так у

нас прозвали фашистов Муссолини, это все равно что здешние милиционеры.

По известным уже причинам мне не удалось сдать экзамены на бакалавра, но я прекрасно знал, кто такие чернорубашечники. Однако я предпочел смолчать, не рискуя прерывать Дамиру.

– Тогда я поняла, почему тот тип говорил с моим отцом в саду; а папа, с его представлениями о чести, конечно, только этого и ждал. Я знала, что он ответил согласием и за себя, и за моих братьев. А мама плакала, понимая, что всем им предстоит борьба. Я была счастлива и гордилась ими, но меня отослали в мою комнату. В Италии у девушек куда меньше прав, чем у парней. В нашей семье на первом месте папа, мои братцы-кретины, а уж потом, только потом – мама и я. Вообще, должна тебе сказать, что парней я знаю как облупленных, у нас в доме их четверо.

Услышав эти слова и оценив свое поведение с той самой минуты, как мы с ней сели за стол в «Тарелке супа», я подумал: вероятность того, что она не поняла, как я в нее втюрился, равна нулю или нулю с несколькими десятками, не больше. Но мне даже в голову не пришло прерывать ее, да я и не смог бы вымолвить ни слова. А Дамира продолжала:

– Я унаследовала папин характер, а не мамин; кроме того, мне отлично известно, что папе нравится наше сходство. Я обо всем думаю как он... я тоже из породы бунтовщиков. И не переношу несправедливости. Мама всю жизнь приучала меня помалкивать, а папа, наоборот, всегда поощрял к протесту, к непокорности, хоть и делал это тайком от братьев, из уважения к установленному в семье порядку.

Рядом с нами от берега отваливала баржа; Дамира смолкла, как будто матросы могли нас услышать. Это было глупо – ветер, гулявший между кранами, заглушал все звуки, но я решил: пусть передохнет с минутку. Мы дождались, когда баржа уйдет к шлюзу, и Дамира заговорила снова:

– Ты Розину знаешь?

Ну еще бы: Розина – итальянка с легким певучим акцентом, с таким голосом, от которого прямо в дрожь бросало, ростом примерно метр семьдесят, голубоглазая брюнетка с длинными волосами, поражала воображение.

Я осторожно ответил:

- Да, кажется, мы встречались пару раз.

- А она мне никогда не говорила о тебе.

Меня это не слишком удивило, я пожал плечами. Обычный дурацкий жест, когда сталкиваешься с роковым невезением.

- А почему ты заговорила о Розине?

- Потому что я вступила в бригаду благодаря ей, - ответила Дамира. - Однажды вечером у нас дома устроили собрание, и она пришла. Когда я сказала ей, что пора идти спать, она ответила, что пришла сюда не спать, а участвовать в собрании. Я тебе уже говорила, что ненавижу несправедливость?

- Да-да, говорила, минут пять назад, я хорошо помню!

- Ну вот я и подумала: это уж слишком. Я спросила, почему мне не разрешают присутствовать на собрании, но папа сказал, что я еще маленькая. А ведь мы с Розиной ровесницы. Вот тут я и решила взять свою судьбу в собственные руки и подчинилась отцу в последний раз. Когда Розина пришла ко мне в комнату, я не спала. Я ждала ее. Мы проболтали всю ночь. Я призналась ей, что хочу бороться, как она, как мои братья, и стала умолять ее свести меня с командиром бригады. Она расхохоталась и сказала, что командир находится у нас в доме и в данный момент спит в гостиной. Оказалось, что это приятель моего отца, тот самый, что приходил как-то вечером к нам в сад, после чего моя мама так плакала.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Имеется в виду генерал Шарль де Голль (1890–1970). (Здесь и далее прим. перев.)

2

Роберт Митчем (1917–1997) – американский киноактер.

3

Лорен Бакалл (р. 1924 г., наст. имя Бетти Джоан Пирски) – американская киноактриса.

4

«Комба» («Борьба»; фр.) – подпольная газета одной из организаций французского Сопротивления, действующих на юге страны с 1943 г.

5

Макизары – так называли французских партизан, ведущих боевые действия против немецких оккупантов в южных районах страны (от слова *maquis*, означающего густые заросли, а во время Второй мировой войны и партизанское

движение).

6

Имеются в виду оборонные сооружения, которые немцы возводили на атлантическом побережье, готовясь отразить высадку союзников.

7

Похвальная грамота (лат.).

Купить: <https://tellnovel.com/ru/mark-levi/deti-svobody>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)